

НАШИ • ТАМ

ВИТАЛИЙ ЗАЯЦ
ПЛАНЕТА
СУПЕРБАРОНА
КЕТСИНГА

Наши там (Центрполиграф)

Виталий Заяц

Планета супербарона Кетсинга

«Центрполиграф»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Заяц В.

Планета супербарона Кетсинга / В. Заяц — «Центрполиграф»,
2020 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-09169-7

Владимир Консинов, по прозвищу Вок, спортсмен-фехтовальщик, оказывается перед вопросом, как жить дальше. Неожиданно с ним связывается осьминог-инопланетянин, похожий на огромную набивную игрушку. Он предлагает Воку отправиться на другую планету, в средневековье, где стать наблюдателем, шпионом, помочь осьминогам разобраться, стоит ли вступать с тамошней цивилизацией в контакт. Вок соглашается – и окунается в жизнь чужой планеты, где называет себя графом де-ла-Коста, пытается применять свои профессиональные умения, а также обрывки знаний, которые несет с собой каждый современный человек.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09169-7

© Заяц В., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Глава 1. Саратов, потом Воронеж	6
Глава 2. Кожаный осьминог, бинин и опять осьминог	12
Глава 3. Космос и удобное кресло	20
Глава 4. Море, волны, водолазы	27
Глава 5. Супербарон и опять водолазы	31
Глава 6. Рыбаки и паром	37
Глава 7. Разбойники и физраствор	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Виталий Заяц

Планета супербарона Кетсинга

© Заяц В., 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

© «Центрполиграф», 2020

* * *

Глава 1. Саратов, потом Воронеж

Атака, шаг вперед, укол снизу, еще два шага и назад в оборону, отбить вращением. Корпус назад, поймать баланс и проход всем телом – от левой ступни сзади до правой кисти впереди. Корпус ниже, рискнуть и достать. Нет. Обманный уход и защита-ответ, как на рапире, но с опережением. Точный укол в область сердца. Сигнал. Почему проигрыш? Регистратор показывает – шпага Ролина замкнула контакты на три десятые секунды раньше. На три десятки! Это ему засчитывается пятый укол. Осталось снять маску и пожать руку победителю.

Ролин руки не подал, прижал ее к сердцу, к месту удара, опустил на одно колено. С чего бы? Укол прошел от души, прямой, больно, конечно, но не настолько же, чтобы комедию ломать. И когда ломать – на первом круге соревнований! Бурлила досада на проигрыш, и Вок решил не смотреть следующий поединок, отправился в душ, только перед выходом из зала обернулся. Ролин улегся на пол, рядом на корточках сидел его тренер.

Не успел Вок снять экипировку, как в раздевалке показалось пузо руководителя команды.

– Ну, ты молодец, Вольдемар. Рапира – сорок восьмое место, сабля – тоже сорок восьмое, шпага – ровно вдвое больше, девяносто шестое. Вечером ко мне в номер, на разбор.

Вольдемаром его называли в шутку, иногда свысока, как в этот раз. Когда впервые выступал за область, в листе вместо Владимира написали Вольдемар – ошиблись. Так и объявили, а прозвище прилипло.

Разбор, ну и ладно, нашел чем пугать, пузанчик. Гадко не от разбора, гадко из-за проигрыша. Как говорит тренер – надо быть реалистом, понятно, что Россию выиграть Вок способен лишь при совсем чудесном стечении обстоятельств, но дойти хотя бы до одной восьмой обязан. Нет, не повезло. Три десятки. Ноль двадцать пять – и уколы считались бы одновременными. Разница – пять соток, чистое невезение.

До конца дня Вок из номера не высывался, на разбор пошел прямо в тапочках – чего там несколько дверей вдоль коридора.

– Вот он, явился, – встретил его с порога голос руководителя. – Посадить тебя мало!

Что-то было не так. Ладно, начальство, тренер постную рожу корчит, но и у ребят всех лица вытянуты, будто случилось что-то.

– Ну, проиграл, виноват, поздно дотянулся. Сажайте, – огрызнулся Вок.

– Да он не знает, наверное, – всплеснула руками рапиристка Катя.

– Не знает! – Руководитель покраснел от возмущения.

– Подожди, – отодвинул его тренер. – Ты действительно не знаешь? Ролин умер в больнице.

Нет, так не бывает. У шпаги на конце не острое, а сенсор, на груди фехтовальная куртка с пластиковыми вставками. Удар чувствуется, синяк получить можно, но и все. Или не все? Само собой вырвалось:

– Это я?

– Не мандражируй! – Красная рожа руководителя изобразила превосходство во всем. – Инфаркт, несмотря на молодой возраст. Но я бы тебя посадил. Девяносто шестое место, противника до смерти рассмешил.

– Не надо так, – пискнула Катя. – Он ведь умер.

Руководитель наконец заткнулся, зато включился тренер, хороший, в общем, мужик, но прямой – прямой некуда. Выдал, опустив предисловия:

– Обозначаю, Вок, тебе не говорили, чтобы настрой не сбивать. Областная федерация решила – если в этот раз без результата, то команде ты не нужен.

Вок – тоже прозвище, но уже не обидное. Кричалка – фанаты скандировали инициалы, Владимир Олегович Консинов. Тоже прилипло, хоть фанатов и не много было – школьные друзья и несколько знакомых, захаживавших на местные соревнования.

Еще пытались прозвать «интеллигентом», свои, внутри команды, но не подошло, хотя причина и имелась. Дело в его нелюбви ждать, абсолютной нелюбви. А что делает спортсмен всю спортивную жизнь? Ждет. Едет на соревнования – ждет, приехал – ждет начала, в спортзале размялся и ждет очереди на дорожку. Воку это поперек горла всегда стояло, поэтому таскал с собой книжку. Любую, лишь бы заняться чем-нибудь. Читал все время, помнил много и поначалу, по глупости, лез в разговор со своими знаниями. Вот и хотели прозвать.

– Знаю – вам я нужен дырки затыкать, – процедил Вок сквозь зубы. – Только где вы такого возьмете? Чтобы во всех трех видах на Россию выходить?

Зря сказал, глупо, от обиды мозги отключаются и глупости из человека лезут.

– А не нужна затычка, – скривился руководитель команды. – Троих молодых привезем, по одному на шпагу, саблю и рапиру. Пусть учатся, хуже не выйдет. Ты же почетный член и патриарх последней десятки. И в каждом виде.

Про последнюю десятку он зря, с Воком такое впервые, да всего пять сотых, и вышел бы в следующий круг. Хотелось огрызнуться, ответить, но... Результаты, как говорит тренер, это то, что видно на табло. Вот обидно – тренер с руководителем спорить не собирался. Хотя не было, конечно, заранее никаких решений областной федерации, сам пузанчик их и принял, он и есть ее председатель. Из-за Ролина убрали Вока, от греха подальше. Хотя результатов действительно нет.

Кто вылетел в отборочных боях, может покинуть замечательный город Саратов, а тот, кто вылетел из команды, может покинуть спорт вообще. Вок пошел на вокзал пешком – времени до поезда навалом, а ходьба поправляет настроение, мысли в русло вводит. Открыл навигатор в телефоне, да и пошагал. Думал о сегодняшнем. Первая злость улеглась, и вперед вышло главное: понял наконец, осознал – Ролин-то умер. Из-за того укола? Или нет? Кто же скажет точно? Даже полиция допрашивать не приходила, но для себя понять надо.

Синтетический голос вел короткой дорогой, не заморачиваясь ее особенностями, Вок, впрочем, тоже не заморачивался. Ну и влип, конечно. Парк – он вроде и центральный, и освещенный, но и привлекательный. Для всех категорий населения.

Крики донеслись издали, топот ног по асфальту, треск ломающихся кустов. Кого-то били, кто-то убежал, догонял – обычное дело субботним вечером. На боковую аллею выскочили трое крепких ребят лет по двадцать, запыхавшиеся, с раскрасневшимися физиономиями. Притормозили, заметили Вока, один крикнул «вот он!», да им все равно было, кого бить. Вок дернул головой – проверить, чтобы сзади никто не подобрался. Тройка ломанулась на него. Во фронт, кто быстрее, кто первый ударит и свалит хлюпика на асфальт. Вок без спешки поднырнул под руку самого быстрого, плечом под локоть, рывок вниз. Хруст, крик – об этом бойце можно больше не беспокоиться. Второй, самый мордастый, не понял опасности, попытался дать под дых. Уход вправо, удар ногой по голени. Мордастый устоял – слабо получилось, не успел стойку принять. Поставил ступню поперек, дернул на себя за кулак. Чуть провел, помог силе инерции, и широкая морда встретила асфальт. Третий. Третий оказался посложнее, подскочил сбоку, присел на полусогнутых враскоряку, сторбился, оперся на заднюю ногу. Понятно – джиу-джитсу, любитель, не больше, но у Вока правые рука и нога еще не в позиции, они там, где только что работали. Левую руку Вок берет, но пришлось выбросить ее вперед, дернуть нападавшего на себя, цепляясь ногой за лежавшего мордастого, используя его для баланса, сбить и третьего – последнего боеспособного. Кисть пронзила боль – все-таки не успел, попал ломаным суставом на захват. Но правая рука уже освободилась, удар по глазам, обманный, ладонь резко пошла вниз, сжалась и пробила солнечное сплетение.

Тройка хулиганов корчилились на дорожке. Точнее, третий, поймавшийся на детский трюк, делал это в кустах. Даже юниор с желтым поясом поставил бы блок, но этот, похоже, на татами тренировался, чтобы в парке ботаников бить да перед девками хвастать. А кисть болела, очень болела. Из-за нее Вок и оказался в фехтовании. Школьником, мальчишкой еще, занимался дзюдо, карате немножко, но с дзюдо лучше шло. На соревнованиях выступал, и даже неплохо. Упал с велосипеда, сломал запястный сустав. Не та травма, чтобы бороться, а без спорта не хотел даже в том возрасте. Вот и пошел туда, где левая кисть вроде ни к чему – в фехтование. Вок вздохнул – тогда пошел в фехтование, сегодня дошел. Вышел из него. Поднял упавшую на землю сумку и пошагал к вокзалу.

Поезда Вок не любил. Жарко, душно, и вообще долго. Этот раз исключением не был, да приятной поездки и не ожидалось: мысли всю дорогу, Ролин. В Воронеже на перрон спустился злой, уставший, будто не валялся ночь на полке, а лично толкал вагон от самого Саратова. Безопасники давно уже обнесли центральный вокзал чугунным забором, волна выплеснутых поездом пассажиров делилась надвое, расходилась в стороны и там всасывалась в ворота, как в воронки. Вок двинулся к левым, где меньше народу, скользнул глазами по ряду таксистов, державших таблички с именами встречаемых. Просто так скользнул, не читая, по привычке человека, часто разъезжающего по чужим городам. Собирался пересечь площадь и прогуляться минут десять, чтобы потом ехать на маршрутке без пересадок. Вдруг в рукав вцепился мужичок в засаленном пиджаке и еще более засаленном галстуке:

– Ну что же вы, Владимир Олегович. Я вот поднимаю, поднимаю... – Он ткнул Воку в лицо лист А4 с крупно распечатанным именем, слева внизу мелким шрифтом шли номер поезда и время прибытия.

Вок попытался освободиться – поклонник фехтовальных талантов был очень некстати.

– Автографов не даю, да и вообще! – рявкнул он.

Мужичок не отвязался, затараторил:

– Такси я, такси. Час уже вас встречаю.

Раз такси, значит, врет про потраченный час. К тому же и поезд доехал без опозданий. Брать появившуюся ниоткуда машину Вок не собирался. Друзья шутку придумали? А из каких новостей они могли узнать, что он сегодня приезжает? Не могли. Значит, гадость какая-нибудь, развод или другой какой криминал. Было такое недавно – какие-то не особо продвинутые уголовники решили, что нет человека богаче чемпиона области по биатлону, увезли в подставной машине, заперли и долго не могли сообразить, у кого требовать денег. Не с Воком случилось, да и не был он никогда чемпионом, но все равно не стоило недооценивать тупость уголовного мира.

Вок пошел чуть медленнее, резко повернул налево и опять налево, в щель за временной дощатой будкой, ведущую в заросший кустами привокзальный сквер. Таксист не отставал. Вок обернулся к навязчивому представителю перевозочного сервиса, процедил:

– До свидания.

Тот намек не понял, засуетился:

– Все нормально ведь! Поездка оплачена, – и схватил Вока за полу куртки.

Не хотелось, а пришлось взять его за руку, в болевой захват, понятное дело.

– Кем оплачена? – Вок чуть надавил, тот взвизгнул.

– Да откуда я знаю? Подошел один на стоянке, заплатил... да я столько за три дня не заработаю, а тут за одну езду. Сказал – вас привезу, столько же даст.

Водила дернулся, вывернутой кистью почувствовал – зря, и забормотал:

– Я что? Я ничего. За день, бывает, на пару пива не срубишь, а тут столько – за час!

– Если бы так, ты бы меня не узнал. Врешь, – заключил Вок.

Свободной рукой таксист извлек из засаленного пиджака тот же лист А4, теперь изрядно измятый. На обратной стороне во всю ширь оказался распечатан портрет Вока.

– Вот. Он дал.

Может, и не врет. Свободной рукой Вок достал из кармана пятисотку.

– Показывай права, говори адрес, куда везти должен, получишь и вали.

– Права зачем? – не понял допрашиваемый.

– Чтоб ты адрес не наврал. Память у меня хорошая, найду, если наврешь.

Права оказались такими же засаленными, как и весь таксист, а вот адрес самым обычным – Ленинский проспект, дом, квартира. Вок развернул пленного лицом к выходу и подтолкнул. Тот втянулся в заборную щель, не оборачиваясь.

Интересно, как он выкрутился бы, выйди клиент через другие ворота? Но мысль показалась не важной. Мало ли, может, две машины послали. Наверное, догадайся Вок спросить, ответил бы, что ждать сказали именно у этого выхода.

Домой идти и сразу не хотелось, а сейчас приключение с таксистом разозлило и не отпускало. Вок бы сам не сказал, почему на нем заикнулся, отмахнулся бы – «стресс», но тянуло подумать и разобраться, а дома – дома Валентина со своими придирками и распоряжениями. Прогулялся по Кольцовской до самого перекрестка, завернул направо и вскоре сидел в остатке Первомайского сквера. В конце девяностых зелень вырубали и построили немаленький собор – красивый, по правде сказать. Еще лет через десять здесь же возвели здание суда. Вок усмехнулся – если действительно вся история с криминалом связана, то тут самое защищенное место в городе, криминал должен бояться если не Бога, то суда уж точно. Нашел скамейку, прятавшуюся в одном из жалких остатков зелени, и сел размышлять.

Его встречали, значит, кому-то это понадобилось. Может, все-таки друзья пошутить решили? Но ведь действительно не могли узнать, когда он приезжает, да и таксисту заплатили сверх всякой меры. Столько отдать – не было у друзей дурных денег, чтобы запросто ими разбрасываться. Получается, все-таки криминал? Ну – что-то темное точно. Надо бы понять, кто это затеял, только как? Вычислили приезд, значит, найдут не сегодня, так через пару дней. И если таксист с ними связан, то они в курсе, что он в курсе...

Какие шаги предпринять? Пожалуй, никакие. Он ведь даже не сообразил спросить, как заказчик выглядел. А что сообразил? Адрес узнал, и все. Как говорит тренер... говорил бывший тренер: не понимаешь, к чему ведет противник, – работай на опережение, навязывай свою схему боя. Трюк у вокзала этим нехорошим людям не удался, наверняка план Б имеют, но его еще запустить надо. На опережение, ну так пойдём к ним в гости, но не немедленно, сегодня-то они гостей ждут. Если серьезное – прорвемся как-нибудь, если шутка – поиграем в ролевые игры.

Вок поднялся, вышел на центральный проспект, дошагал до почтамта. Там написал пять одинаковых писем к друзьям – в каждом адрес на Ленинском проспекте и краткое изложение событий. Вложил в конверты, подписал адреса с добавлением «для Володи Консинова». Потом достал мобильник, но тут же сунул в карман – может ведь отслеживаться, а то и прослушиваться. Опять достал, выключил его на фиг и пошел искать телефон-автомат, кажется, сохранились они еще здесь, на почтамте.

Пять звонков, примерно одинаковых «Привет, я в Саратове. Ты извини, мне письмо должно прийти на твой адрес. Сохрани, пока не вернусь. Ты ж знаешь, что в мой ящик бросают, Валентина первой вскрывает. Послезавтра буду, позвоню обязательно, срочно нужно. Ну, давай, спасибо». Про Саратов наврал, конечно, но не хотелось очень уж беспомощным выглядеть. Одно дело «без меня жена хозяйничает», другое «я у нее под каблуком». Хотя чего стесняться, Женька вон посочувствовал: «Моя тоже все читает, даже если чужое приходит». Так что предназначенное ему письмо пришлось порвать.

Вок покрутил головой, нашел подходящее свободное окошко, в котором скучала почтовая работница.

– Здравствуйте, проштампуйте, пожалуйста, конверты, мне для коллекции.

И поехал по городу письма развозить, посылать не стал – время важно. Если послезавтра он не позвонит, друзья всполошатся. Не они, так полиция хоть один конверт, а вскрыет.

Изрядно помотавшись в маршрутках и пообедав в довольно приличном кафе, Вок двинулся в отель со странным названием «Отдохни» – в тихом месте недалеко от дома, в котором вырос. Все дворы и закоулки известны, убежать удастся, если что. Не так чтобы очень уж хотел спрятаться или собирался убежать, просто отмазку себе придумал домой не идти.

Включил дружелюбно зажурчавший кондиционер, завалился на кровать, потянулся в сумку за планшетом. Нет, пожалуй, не надо, планшет отследить наверняка не труднее, чем телефон. Оставалось выйти на улицу за газетами-журналами, сидеть в номере Вок планировал часов до девяти утра.

«Вот! – усмехнулся про себя. – Еще вчера думал, что серая жизнь начинается, я теперь никто, ан нет – приключения. Хотя, скорее всего, сам их и придумал. Нет, вряд ли, кучу денег таксисту просто так не платят».

До вчерашнего дня жизнь была завязана на спорт. Еще первоклассниками бегали на стадион, там в подвале под трибуной тренировались борцы-классики. Мальчишки заглядывали в мутные зарешеченные окошки, завидовали, жалели, что до девяти лет в секцию не записаться. Казалось – борцы непобедимы. Подрос и записался, на занятия ходил аж полгода – в школе тогда равных не находилось, любого, даже и на год старше, мог взять на плечо и шматануть об пол. Теперь понимал – дети, не дрались, а боролись. Во взрослой драке классический борец разве что силой свое возьмет. Потом было много разных секций, как у всех детей. То два месяца в плавании, то месяц в прыжках на батуте. Родители радовались – учился Володя не плохо, а спорт, хоть и лоскутный, от дворовых удовольствий обещал защитить.

В седьмом классе Вок вернулся в борьбу, на этот раз в дзюдо и по-настоящему. Нырнул в спортивный мир с головой – спортзал, сборы, соревнования. Уроки пошли побоку. Белый пояс, желтый, еще юниорские, но и Вовке тогда только тринадцать исполнилось. Родители забеспокоились, но можно запереть мальчишку, не пускать на тренировки, вообще запретить из дома выходить. Можно посадить над учебниками, а вот заставить учиться невозможно. А потом он упал с велосипеда. Запястье врачи починили, но дзюдо на этом закончилось. В каком-то положении сустав до плеча пронзала тонкая игла боли. Не те кондиции, с которыми медали выигрывают.

Родители. Отец в то время дома почти не появлялся, работал всю жизнь фрезеровщиком, а потом, в тот год Вок в пятый класс перешел, вдруг поступил учиться в технический университет на авиаконструктора, на вечерний. С утра – на завод, из института возвращался поздно, и дома уже все спали. Но как только рука у сына зажила, отец плюнул на занятия, взял отгулы и двинул с сыном на рыбалку.

Край леса, кочковатый болотистый луг, предутренний туман. Вок, тогда Вовка, выбрался из палатки, переминался с ноги на ногу, зяб и смотрел. Просто смотрел в сторону реки. Чувствовал. Что-то особенное в этой природе, в безлюдье, в ветках ольхи, нависших над головой. Потом два дня купали червяков, самим купаться было холодно, но все равно купались немного. Было хорошо и не важно, что рыба не клевала. И с отцом разговаривали. Много.

На третий день с утра собрали палатку, сели с удочками в последний раз, рано было идти на электричку. И вдруг – гроза, мощная обвальная. Струи били с неба как из брандспойта, казалось, все сошло с ума, такого дождя не бывает. Дышать нечем, вокруг вода. И рыба точно сошла с ума, клевала – и вообразить невозможно. Вцеплялась в крючок до того, как он успевал долететь до воды. Нет, он уже был в воде, в дожде, долететь не успевал до пляшущей пузырями

речной поверхности. Вок с отцом стояли вдвоем под старой армейской плащ-палаткой, забрасывали и забрасывали удочки. Сразу перестали брать мелочь, только ту добычу, что покрупнее.

Гроза шла минут десять, не больше, оборвалась внезапно, как и началась. Ни облачка, солнце. И два ведра крупных окуней рядом с насквозь промокшими рюкзаком и палаткой. И счастливые отец с сыном.

Вечером, уже дома, Вок долго не мог заснуть и слышал родительский разговор.

– Не было бы счастья. – Мама всхлинула. – Руку жалко, но спорт... Лучи славы в двадцать и вниз к пенсии лет через пять.

Это мама и раньше говорила. «Жизнь спорту отдавать нельзя. Посмотри на бывших спортсменов, к сорока годам только и остается им, что прошлое вспоминать». Взрослое занудство, в общем. Какая вообще у стариков жизнь!

– А то и без славы, – поддакнул отец. – Ничего, он парень сильный, за ум возьмется, толк выйдет. Разговаривали, нормальный он, не тупица.

Вок чуть не выскочил из своей спальни с возмущенным криком. Такая поездка! А оказалось, отец специально! Специально, чтобы Вок больше спортом не занимался. У Вока вся жизнь поломана, а они радуются: «за ум», «толк выйдет»! Не выскочил, да и потом с родителями не разговаривал о подслушанном. Но когда рука зажила совсем, все повязки сняли, пошел к фехтовальщикам – в спорт, где левое запястье роли не играет. А родители? Иначе к ним стал относиться, холодно как-то. Вроде и не ссорились, но и того, что ощутил на рыбалке, больше от них не ожидал.

Глава 2. Кожаный осьминог, бинин и опять осьминог

К дому на Ленинском проспекте Вок подошел в половине девятого утра. Усмехнулся, вспомнив еще раз про Джеймса Бонда. Дверь подъезда была приоткрыта – удача, общаться по домофону в планы не входило, входил визит без всяких предупреждений. Нужная квартира нашлась сразу – единственная на первом этаже, нажал звонок, и немедленно щелкнула собачка замка. Ждали? Если да, то лучше бы не его. Надавил на ручку и оказался в темном коридорчике. Встречающих, ни вооруженных, ни безоружных, не наблюдалось. У них что, замок звонком открывается?

Пожалев, что не взял с собой чего-нибудь для самозащиты, пусть не зонтика, но, хотя бы длинного ножа, толкнул дверь и остановился, оглядываясь. Комната, видимо единственная, выглядела пустой и синей – свет проходил через синие шторы. В комнате – диван, телевизор, огромное кресло, в котором расположился сшитый из кожаных квадратиков невероятных размеров осьминог. Вок шагнул обратно в коридор, но сзади послышался надтреснутый голос:

– Куда же, куда же? Мы таки даже не начали разговаривать.

Голос имел характерный одесский акцент. Впрочем, этот замечательный город Воку посещать не приходилось, и знакомство с акцентом ограничивалось фильмами и передачами КВН. Вок обернулся – в комнате по-прежнему никого не было, оставалось хихикнуть от напряжения и вообразить себе голову в ермолке, высывающуюся из низкой тумбочки под телевизором. Голос раздался опять:

– Владимир Олегович, мне совсем не зря надо с вами поговорить.

На этот раз удалось заметить волну, даже не волну, а легкое движение джинсовой строчки на одном из щупалец игрушечного осьминога.

Понятно, в кукле динамик вставлен, может, и видеокамера. – Вок двинулся вперед с намерением перевернуть спрута вверх ногами. Во-первых, чтобы проявить инициативу, во-вторых, пусть в пол своей камерой смотрит.

– Зачем же сразу руками! – Осьминог бодро отпрыгнул и вместо кресла оказался сидящим на диване. Вок дернулся – даже будь хозяин морских глубин не ватным, а настоящим, все равно движение показалось бы слишком резким, не ожидалось гимнастических упражнений от изделия такого размера. К тому же в довольно тесной комнатке. – Да, да, извините, – почему-то смутился многорукий попрыгун. – Я ожидал-таки что-нибудь забыть. Руки, надо потрясти руки.

Вок тупо уставился на протянутое щупальце. Пожалуй, если такие роботизированные игрушки и существуют, то стоят они слишком много что для шутки, что для криминальной подставы. Щупальце выглядело совершенно неживым – разных размеров куски кожи или, вполне возможно, кожзаменителя, соединенные внахлест, простроченные белыми нитками в два ряда... Стоп, а ведь не простроченные. Вок пригляделся, да, действительно, белый пунктир был нарисован, а кусочки держались каким-то другим способом. Ну да, наклеить заранее разрисованные лоскуты на основу дешевле, чем шить. А развалится через пару дней, прикончит ребенок игрушку – и хорошо, родители за новой в магазин побегут.

Щупальце неуверенно шевельнулось и спросило:

– Я таки опять перепутал?

Пожалуй, стоило принять условия игры и назначить морского гада живым собеседником. На ощупь вражеская рука оказалась почти такой, какой ожидалась, – сухой, гладкой, не особо сильной, но однозначно не ватной.

– И шо же вы имеете мне сказать? – передразнил Вок.

– Я имею предложить работу! – обрадовался осьминог. – Я до вас имею не работу, я до вас имею мечту!

– Та-ак, – протянул обескураженный Вок, а про себя подумал: какой это деятельности хочет от него прикидывающийся кожаным мешком преступный мир? Вряд ли заколоть кого-нибудь шпагой в темном переулке – и он не согласится, и они в плане резни в подворотнях поопытнее будут. Но в любом случае не надо отказываться, гордо отставив ножку, лучше узнать побольше, а там решать, как выпутываться. А может, все же розыгрыш? Тогда уж ножку отставлять совсем глупо. Надо спрашивать, но что? По заветам тренера – начинать с второстепенного, для разминки?

– Таксиста вы послали?

– Таки я. – Осьминог захихикал. – Ходил на стоянку и нанял того, у которого кондрашка не случилась. И скажу я вам, нанял двух – у вокзала две двери, с какой стороны ни посмотреть.

Вок похвалил себя за вчерашнюю догадку про две машины, встречавшие у разных вокзальных ворот. А «сам ходил» шутка, конечно. Вспомнился визгливый голос засаленного таксиста – пожалуй, да, такому в нестандартном облике показываться не стоило – не умрет с испуга, так разболтает потом всему городу. Потенциальный работодатель же продолжил объяснения:

– Пришлось-таки попросить очень хорошего знакомого, замечательного мальчика, чтобы таки на стоянку сходил.

Слово «таки» осьминог вставлял в свою речь чаще, чем выдумщики еврейских анекдотов. Действовало раздражающе – будто сам в анекдот попал.

– Что же вы работу мечты этому замечательному мальчику не предложили?

– А он совсем-таки не может. – Щупальца изобразили всплескивание руками. – Здоровье, знаете ли. Нет, я спросил, спросил, а он таки говорит: возраст. Он прав, а я, соответственно, не прав.

Осталось неясным – признал осьминог собственную неправоту или сказал об этом с иронией. Странно, минуту назад Вок за игрушку ватную спрута держал, а теперь уже и ирония его дикостью не представлялась.

– Хороший мальчик оказался старым, а я молодым. Еще какие у меня достоинства?

– Достоинств таки масса. Вы спортсмен, фехтовалчик. – Это слово спрут произнес с другим, совсем уж диким, акцентом. – И я дам вам хороший совет: пора думать о карьере. До пенсии фехтовать-таки невозможно, кроме как посмотреть про это в кино.

– И от какой карьеры я сейчас откажусь?

– Только не надо сразу говорить «нет». Таки помолчите и слушайте или хотя бы только спрашивайте не слишком длинные вопросы. – Спрут потер два щупальца друг о друга, выглядел этот жест как у жулика в мультфильме.

– Внимаю. – Инициативу упускать не стоило, и Вок нагло плюхнулся в освободившееся кресло.

– Я, знаете ли, не местный...

– Заметно, – не удержался Вок.

Спрут не обиделся.

– Разумеется, молодой человек, вы это заметили почти сразу.

Почти? А ведь правда, сразу-то за самую обычную набивную игрушку принял, и именно местного кустарного производства. Обидно даже, как ловко подловил осьминог. Вок зло процедил, не вслух, конечно: «Проницательный моллюск попался». Что осьминоги – это моллюски, встретилось в книге совсем недавно – купил в киоске из-за яркой обложки.

– Таки вот, я живу на планете там. – Спрут показал щупальцем в левый угол над окном. – Когда в отпуске, разумеется. А работаю исследователем.

– Шпион, значит? Охотник до наших секретов? – Вок прищурился как можно более почкистски.

– Нет и нет. Пусть – разведчик, но не до ваших секретов. Я работаю там. – Теперь осьминог показал в другой угол над тем же окном. Но я таки не могу работать один, знаете такое слово «фенотип»? Это – как кто выглядит.

Вок кивнул, слово он знал.

– Так вот, фенотип неподходящий.

– А у меня, значит, подходящий?

– Вы таки умный человек, Владимир Олегович. Там, – опять махнул щупальцем спрут, – живут люди такого фенотипа, как вы.

Пора было заканчивать этот дикий разговор. Вок встал и шагнул к двери.

– Подождите! Это таки мечта. Вы даже будете первый советский космонавт!

– Первый советский космонавт – Гагарин.

– Вы мне только не говорите. Где орбита, а где звезды!

– Я не советский, – упрямо напомнил Вок.

– Ладно, ладно, вы таки правы. Советский, не советский... может бедный инопланетянин запутаться в вашей истории на сколько-то пятьдесят лет? Вы уходите, конечно, уходите, а послезавтра приходите-таки поговорить. Я сегодня только хочу сказать за деньги, вы у себя подумайте, какие красивые деньги мы имеем заплатить!

По Ленинскому проспекту Вок шел пешком. Размышлял, утрясал мысли, а монотонная ходьба для этого самое то. Дикое предложение, розыгрыш, конечно, но кто будет так разыгрывать? Да и осьминог, который не осьминог, а инопланетянин, показался убедительно реальным. А вдруг правда? И это головоногий еще не знал, что Вока выгнали из команды, фактически из спорта, и что теперь действительно надо искать работу. Или знал? Может, кто выгнал, те и подстроили весь спектакль? Но зачем? Зачем он им вообще нужен? Нет, не сходило: в команде о нем забудут через неделю, иначе и быть не может. И Ролин. Не забудут, кто его убил. Не для следствия, конечно, но для пузана-руководителя – Вок убил. И для тренера, для той же доброй девушки Кати. И наверное, для себя тоже.

Получается, предложенное надо считать правдой? Отправиться шпионом в космос, да еще и шпионить на какую-то незнакомую цивилизацию? Дикость какая. Дойти сейчас до отеля «Отдохни», забрать сумку и домой – все равно туда идти, как ни тяни. И забыть эти фантастические ролевые игры. Все повернется обычным образом – отставной спортсмен ищет работу по... без особой специальности. Найдет, не может не найти. А там – серые дни, работа эта еще не найденная, но сразу же скучная, дом... домой не хотелось.

Уже выходя, выпихивая сумку из маршрутки, взглянув на покосившуюся остановку, Вок понял – у спрута интереснее. Надо бы узнать, что это за спрут, кто его в эту квартирку посадил, что они вообще затеяли? А может, правда? И захотелось, чтобы оказалось правдой. Космос, другие расы, джедаи, кто там еще на иных планетах водится?

А почему нет? Почему не подыграть? Много убудет-то? Согласиться и получать удовольствие. Вон Женька в ролевых играх всю мечом машет. Однажды спросил его – зачем? Ты, говорит, на дорожке шпагой работаешь, адреналин вырабатываешь, выигрываешь. А мне для того же адреналина тупого меча хватает, как артист в роль вживаюсь, прячусь от скучной действительности.

Почему не спрятаться от скучной действительности? Вымазать физиономию синей краской и поиграть в шпионаж где-нибудь на планете Пандора? Вок прошел между трубчатых горок и качелей детской площадки, остановился перед подъездом и понял – так уж сразу выкинуть идею из головы не удастся.

Нажал на звонок. Без результата. Пришлось шарить в глубинах сумки, искать ключи. И конечно же, как только они обнаружили, за дверью послышались шаги. Открыла не Валентина, в полумраке прихожей стоял Глеб Бинин – бронзовый призер чемпионата страны в своем

не очень тяжелом боксерском весе. Причем даже спортивная форма на нем имелась – хоть сейчас на ринг.

Глеб Бинин слыл самым безмозглым спортсменом области, может, и регион побольше покрывал, но не проверять же по всему Черноземью. Безмозглость свою он умело использовал, на ринге от ударов не уходил и даже не закрывался, каждый соперник лупцевал его по морде от первого гонга до последнего, голова бронзового призера моталась из стороны в сторону, как груша на пружине. Вот только эффекта это никакого не производило, а Бинин, в свою очередь, колотил соперника с обеих рук. В результате выигрывал нокаутом, а если уж проигрывал изредка, то по очкам и с разгромным счетом.

– Ты что здесь делаешь? – растерялся Вок.

Бинин не ответил, принял стойку. Дикость какая, приключения даже дома не заканчиваются. Боксер пошел вперед, выбросил правый хук. Ладно, реакции шпажисту не занимать, Вок отпрыгнул, пригнулся и схватил стоявший у входной двери зонтик. В голове мелькнуло – не шпага. Но не кулаками же от профессионального боксера отбиваться! Бинин махал руками, как мельница, пер буром, приходилось отступать, держать дистанцию. Уколы в корпус проходили легко, жаль, Глебовы ребра оказались не чувствительнее головы. Бинин ударил левой, потом правой вверх, под зонтик, как отбивают руку на ринге. А, нет, не получится, Вок резко ушел назад, провел укол, еще назад, двойной укол. Глаза! Не выбить, но напугать, два укола в два глаза, останавливая оружие в сантиметрах. И Бинин затормозил – опля, он просто не умел уводить голову, ну, не приходилось встречаться с мастерами зонта.

Рука быстро устала – не тот баланс, зонтик полегче надо было покупать. Пряча глаза, боксер наклонился, как бык, и пер почти вслепую. Пришлось отступить на лестницу, ступенька, вторая, теперь кулаки машут сверху вниз. А вот тебе, правил здесь никто не писал – зонтик впечатался Глебу между ног, тот взвыл и прыгнул назад к двери. В раже Вок ринулся следом, в ребра, в живот в плечо, это вам не поединок до пяти уколов. И резко остановился – подоспевшая Валентина обхватила Бинина сзади. Одетая она была в ночной халат, среди дня-то... тут только дошло – и Бинин не в спортивном, а в трусах и майке.

Вот оно что. Даже ревность подкатила на секунду. Ну, как подкатила, так и откатила, ностальгия, можно сказать, по той девочке, с которой крутились тогда, четыре года назад, на сборах. Нет, ностальгия – непродуктивное чувство. Вок сдвинул пятки, дернул головой – поклон сопернику, поставил зонтик на место.

– Выматывайся, Глеб, я с дороги, не до тебя сейчас.

Наконец немного пострадавший герой-любовник осознал ситуацию. Нырнул в коридор и через пару минут бежал вниз по лестнице вполне себе одетый. Вок потер скулу, заметил кровь на руке и, ничего не говоря, отправился в ванную к зеркалу.

Скула вроде была в порядке, а вот бровь никуда не годилась – уже начала раздуваться, с каждым ударом пульса на ней появлялась новая капелька крови. Ну и ладно, все равно первым делом в душ, а завтра... на завтра планов вообще никаких не имелось.

Из душа Вок отправился в спальню, закрыл за собой дверь – отсесть неприятные объяснения, разбор полетов. Слишком много произошло, будто сговорились все. Сначала, когда из команды поперли, подумал: скучная жизнь. Вроде бы. А тут не поскучаешь. И Валентина... мысли все-таки скатились на нее.

Женатым Вок оказался неожиданно для самого себя. На сборы поехали вместе с гандболистками, там и закрутился роман с крепкой, энергичной правой крайней. Через два месяца, когда бурная влюбленность поулеглась, обнаружил, что женат. Причем жена на два с половиной года старше и с опытом одного склочного развода.

Сложности начались почти сразу, а через год Валентина перешла на тренерскую работу, стало совсем невыносимо. Команды юным гандболисткам отдавала резкие, с ее точки зрения, безупречные, и вечером не делала для мужа никакого исключения, разговаривала с ним тем же

тоном. Две недели подряд, проведенные дома, вызвали устойчивое желание развестись, но до сих пор такие периоды случались редко – оба супруга постоянно разъезжали. То сборы, то соревнования давали передышку, и развод, хоть и выглядел необходимым, не казался срочным.

Что ж, раньше развод был делом долгого времени, а сейчас это долгое время бурно закончилось. Традиционной дракой между мужем и раздетым любовником. Вооружение, конечно, использовалось нетрадиционное и неудобное, но это так – мелкие антуражные различия. В голове замелькали картинки, как он подает заявление в суд, как ищет какую-нибудь работу, как работает, делает что-то совсем дурацкое и, по возможности, ищет работу другую. А Валентина мелькает, достает и тоже ждет развода. Потом отправляется ко всем чертям, в смысле – в объятия к Бинину. Хотя что за наивные идеи? Для того Глеб в неурочное время по гостям ходит, чтобы жениться при первой возможности? Глупость. Сбежит, как только Валентина окажется женщиной свободной. А Воку какое дело? Да черт с ней, с Валентиной, пусть сама своими проблемами занимается, кстати, и бюрократией пусть тоже сама, по судам ходит, бумажки заполняет. А Вок может оставить все неприятное и поехать в гости к осьминогу, на какую-нибудь фантастическую планету. Размышления плавно переросли в сон, спасая Вока от бесед с женой.

Утром выбрался на кухню пораньше, в надежде убраться из дома на весь день. Не получилось – в дверях бетонной тумбой возникла Валентина. Ну что ж, не удалось увернуться – надо атаковать.

– Уезжаю в Южную Африку, буду там выступать, – брякнул первую пришедшую в голову глупость. – Когда вернусь, не знаю. – И, не удержавшись, добавил: – Радуйся.

– Посмотрите на этого блядуна, опять уезжает!

Валентина возмутилась так, будто не у нее вчера застучали Глеба Бинина. Причем восклицание прозвучало тоже по-одесски, но не симпатично, как у инопланетянина, а зло, будто с карикатуры из националистической газетенки. Зато Воку удалось представить щупальца вокруг головы своей, пока еще, супруги. Сказал бы – на горгону похоже, но та – женщина с чертами тонкими, то есть никакая не Валентина.

Поездив по городу, собрав и разорвав нераспечатанные письма «для Володи Консинова», Вок опять отправился в отель. Лежал на кровати, закинув руки за голову. Вспомнил отбытие из дома родного. Смех, да и только – приезжает муж из командировки, а там... И драка на зонтиках. Пожалуй... нет, он туда точно не вернется. Просто незачем возвращаться: ни любви, ни ревности, ни чувства долга. Долга... долго... И вообще слишком долго эта их случайная связь, брачная, тянулась, пора и прочь, например в космос, как предложил кожаный осьминог.

Вок повернулся, потрогал разбитую бровь и почувствовал себя свободным человеком. Валентина. Да иначе, наверное, и быть не могло. Тренировки, режим, спортивная дисциплина. Все расписано, запланировано. Времени лишнего нет, все варятся в своем кругу. Не она, так какая-нибудь другая знакомая по сборам, из другого вида спорта. Пожалуй, ничего бы не поменялось – те же отношения, та же закваска.

Точка. Жена – прошлое. Это решено и, что называется, обжалованию не подлежит. А хочется обжаловать? Нет, точно нет. Наоборот – сделал дело, давно висевшее над душой. Пусть не дело сделал, а решение принял, но все равно – до сих пор над душой висело, а теперь на ней, на душе, легко.

Зря тянул, не держало ничего вместе. Не из-за Глеба же Бинина отношения поменялись. Глеб, может, и сработал как команда «Альт!», все завершающая, но роль этой команды мелкая – что сложилось, сложилось задолго до нее. Тогда почему тянул? Спортивная дисциплина? Привык к режиму, к правилам, привык делать так, как надо, а не так, как хочется? Сказал в ЗАГСе «да» – обязан дальше жить согласно сказанному?

И еще задумался – почему? Почему мы женимся не на тех, о ком мечтаем? Ведь всегда нравились длинные, стройные. Узкие ладони, тонкие черты лица. Валентина – крепкая, спортивная, не легкая ни в прямом, ни в переносном смысле. Правая крайняя на гандбольной площадке. Может быть, Вок тоже не относился к ее типу? Раньше в голову не приходил этот вопрос. Но, судя по Бинину, вопрос вполне правомерный. Отчего же не разбежались сразу, еще до ЗАГСа? Думали жить вместе всегда. Наверное, время пришло, вот и результат – брак, не нужный ни тому, ни другому. Да, точно, даже фраза вспомнилась из какой-то книжки: «Женятся не потому, что любят, женятся потому, что время пришло».

В квартирку на Ленинском проспекте Вок заявился с утра пораньше, почти уже согласившись на авантюру. Другие вон от дурной семейной жизни в петлю лезут, а тут турпоездка, да к тому же первым советским космонавтом сделать обещают.

Осьминог, как и позавчера, сидел в своем огромном кресле. На этот раз он приветливо помахал Воку и затараторил так, будто согласие давно получено, а они вообще старые друзья:

– Вы багаж таки не забыли? Таки заносите внутрь, ни к чему на лестнице оставлять.

– Стоп! – рявкнул Вок. – Мне нужно знать, зачем вам весь этот шпионаж. Планеты завоевываете?

– Почему сразу завоевываете? Ваши планеты и Земля, и то место, где вы собираетесь работать, таки много других еще похожих, совсем не самые распрекрасные. И таки уже заняты – здесь вы живете, там они...

Вок перебил:

– Ну а как же терраформирование, вытеснение аборигенов? – Слово «уничтожение» он дипломатично заменил.

– Ой-вей, терраформирование! А кому оно надо? Столько мороки с каждым божьим местом. И для чего? Здесь галактика, там еще много галактик, внутри звезды, и что я вам говорю – вокруг звезд планеты. Выбирайте любую незанятую, и совершенно бесплатно.

Осьминог пустился в пространные рассуждения об отношениях между расами и об окне контакта. Про окно Вок, кажется, читал в детстве у Лема, но название книги из памяти испарилось. Философию свою спрут свел к тому, что даже и шпионить не надо, просто наблюдать, а что дальше делать – посольство прислать или подождать лет тысячу, это дома решат. На основании собранных данных. Наблюдатель – очень важная работа, которую они будут делать вместе. То есть осьминог будет сидеть в укрытии, а Вок разгуливать на виду, общаться и вообще.

– А язык? – спохватился перспективный шпион. – К языкам у меня способностей никаких.

– Это таки очень просто, нашими технологиями, скажу я вам. В полете. Вечером заснете, а утром заговорите, что ваш попугай.

«Попугай» Воку не понравился, но обижаться не получилось, вместо этого поймал себя на мысли, что уже согласился и что занимается выяснением деталей. Оставалось признаться, что о багаже не думал и спросить, что с собой паковать.

– Берите немало, примерно сколько-таки душа пожелает, лишь бы дотащить. Еда, одежда, транспорт – беспокоиться не стоит, и обеспечение соответствует, и все равно к местному всему привыкать.

С багажом – понятно, с ним так же, как на соревнованиях ехать – билеты, гостиницу, питание команда организует. Брать только планшет да бумажную книжку на случай, если в самолете электронику выключить заставят. Форма? В смысле одежда? Да о ней и спрашивать незачем, конечно, выдадут ту, которая местным реалиям соответствует. Не появляться же на другой планете в мастерке с гербом города Воронежа на спине. Получалось, брать надо что-то, чего там нет, – информацию, и побольше, поскольку осьминог уже намекнул на неопределенную длительность задания. Вок озвучил:

– Понятно, брать надо информацию – книг накачать, справочников.

– Накачать? – Спрут пошевелил щупальцами. – А вы таки уверены, что электричество там уже открыли? Но если таки да, то совпадут ли розетки?

Вот как опростоволосился, дураку понятно, что не совпадут. Ведь действительно – всегда думал, почему в сети напряжение 220 вольт? Не 200, не 250, а именно 220? Случайно, наверное. У инопланетян, гарантию можно дать, и напряжение другое, и частота, и розетки, конечно, другие.

– Значит, книги, справочники. Кстати, что там за справочники понадобится могут? Какие темы?

– Ой-вей! А я ведь считал вас умным человеком, – объявил осьминог. – Вы ведь специалист, эксперт, можно сказать, по холодному оружию. И к тому же дзюдо умеете, я таки выяснял. Это очень полезно, на другой планете такое время, когда стрельбу еще не придумали, но про оружие книги таки не надо, про него вы все знаете. Про ритуалы, этикет не стоит и задумываться – в каждом местечке они свои, только голову драгоценную заморочите. А вот если придумаете что-то полезное, в виде знаний, конечно, то я бы взять-таки очень посоветовал...

Наговорив с три короба, осьминог не сообщил ничего конкретного. Да еще и с оружием наврал. Или для него, многорукого, все, что режет и колет, на одно лицо? Понятно, рапира-шпага-сабля знакомы, а вот тяжелые мечи, акинаки, копья – про них только в кино смотрел. Надо в книжный заглянуть, наверняка есть издания по приемам боя, да и спорта. Рыцарские турниры – тот же спорт, разогнались на лошадях и... кстати, о лошадях, их Вок видел, живых, много раз, но издали. Пожалуй, и с ними придется как-то разобраться.

Оставалось сказать «Буду завтра точно в десять» и, отметив, что осьминога время устроило, закрыть за собой дверь.

Все-таки пришлось возвращаться домой. Хотя бы для того, чтобы пошарить по книжным полкам. Что брать, оставалось загадкой, шарил больше не в поисках книг, а в поисках идей. Хоть осьминог и обозвал его умным человеком, на ум приходил только анекдот про «ты бери на необитаемый остров Толстого и Фолкнера, а я возьму определитель съедобных растений и медицинский справочник». Пожалуй, поиски пищи палкой-ковырялкой не планировались, а вот медицинский справочник пригодился бы. Из подходящего по теме в шкафу нашелся анатомический атлас «Военная медицина» – попался когда-то на лотке за копейки, и Вок купил его, соблазнившись кровавыми картинками. Хотел Женьке подарить, тот как раз подсел на просмотр ужасиков в жанре «кишки-мозги», но случай ни разу не представился.

Что еще? Спортивные справочники? Так они наизусть выучены. Больше ничего подходящего на полках не нашлось. Вок не поленился, сбегал в соседний книжный. Бесплезно сбегал – там табличка «Закрето». Ладно, магазин рядом, попозже можно опять наведаться, кинул в сумку весь лейкопластырь, который нашел дома, рулон изоленты, не удержался и добавил спортивный костюм с гербом города Воронежа на спине. Грустно осмотрел висевшие на стене шпаги и сабли – не нужны. В Средневековье вряд ли найдется применение пластиковым клинкам с сенсорами и электрическими разъемами.

Открыл кухонную полку, там обычный набор – чай, сахар, макароны. Глаз зацепился за коньяк, хранившийся для гостей, сам-то и не интересовался, и спортивная дисциплина не позволяла. Подумал – интересно, пьют ли инопланетные осьминоги крепкие напитки? Решил – ради шпионажа спрут выпьет все, что предложат, но вот удовольствие вряд ли получит. Коньяк остался стоять на полке.

Пока паковал сумку да разглядывал то, что и разглядывать было не нужно, прошло часа три. Опять выскочил в книжный – закрыто, хотел уже сесть на автобус и доехать до какого другого магазина, но сообразил, что не знает, где еще подходящие объекты торговли имеются.

Да и разглядел на той же табличке под четким «Закрыто» трудночитаемое «до завтра» – решил завтра и зайти.

Уже утром, по пути на Ленинский проспект, опять наведаясь в книжный – гадкая табличка так и висела на запертой двери. Отправляться в неизвестность с одним лишь военно-медицинским атласом показалось глупым, и Вок двинулся к газетному киоску, по случаю продававшему и издания потолще. Что там вещал осьминог? Средневековье?

– Есть что-нибудь серьезное про Средневековье?

Продавец определенно относился к тайному союзу, считавшему клиентов главными врагами. Пробурчал нечленораздельно «все на витрине» и уставился на троллейбусную остановку. В другой ситуации Вок двинулся бы восвояси, но время поджимало. Ткнул в обложки, где красовались герои в доспехах – эту, эту, эту. Скорее всего, приключения какие-нибудь, но лучше, чем ничего. Загрузил яркие томики в сумку да и полез в маршрутку.

Глава 3. Космос и удобное кресло

Ракета, или, наверное, космический корабль, не сильно отличалась от прогулочного катера, катавшего туристов к верховьям Воронежского водохранилища. Да и припрятали транспортное средство подобающим катеру образом – под берегом, выше по бывшему течению бывшей реки Воронеж. На судне обнаружилось два этажа, или палубы, верхний – рубка, салон, если так правильно называется большое продолговатое помещение с окнами со всех сторон, нижний этаж – маленькие коробочки-каюты. В своей-то Вок разместился, а вот как в такую удалось втиснуться толстому спруту, осталось загадкой. Хотя однажды по телику показывали осьминога, впритык заполнившего собой трехлитровую банку. Воображение подсунуло хозяина корабля, упакованного в квадратную каютку, из-под двери даже торчало непоместившееся щупальце. Картинку Вок одобрил, хорошая картинка, справедливая.

Вытащил из сумки зубную щетку и книжку, взвесил их на руках – с чего начать? Пожалуй, со сложного – с поиска санузла, читать всегда успеется, а освоиться на корабле надо. Вышел в коридор и насчитал одиннадцать совершенно одинаковых дверей по сторонам. Ручек не имелось, и Вок надавил на ближайшую дверь – заперто, надавил на свою – открыто. Пожал плечами и поднялся по самой обычной лестнице в салон. В кресле, на вид том же, которое стояло в квартирке на Ленинском проспекте, развалился спрут. Перед ним имелся внушительный пульт, а окна по кругу оказались экранами. Вок мог поклясться, что, когда тащил через салон свою сумку, помещение было идеально пустым. Ладно, кресло позже доставили, но пульт? Впрочем, стоило ли заморачиваться инопланетными технологиями?

Покрутил головой – не торчать же, стоя посреди комнаты. Тут же заметил офисный стул на колесиках, подкатил его и уселся рядом с работодателем. Спрут не делал абсолютно ничего, сидел перед пультом, не нажимая кнопок и даже не обращая внимания на экраны. Медитировал, что ли? А может, пищу переваривал, как удав? Наконец он обернулся к Воку:

– Вы здесь спросить или чтобы поговорить?

Задача поиска санузла вылетела из головы, вместо этого возник самый скучный пассажирский вопрос:

– Сколько будем лететь?

– О! На это ответить-таки не просто, – оживился спрут. – У нас пройдет, наверное, пятнадцать дней, или тридцать шесть, или не знаю. Пятнадцать корабельных дней, и мы там, на орбите. Я имею в виду корабельные дни будут, как земные дни, соблюдая, так сказать, правило – считать по месту вылета. А на вашей планете и куда мы направляемся – другое время. Таки трудно вам это объяснить.

– Релятивистский эффект? – вспомнил научпоп Вок. – При больших скоростях время замедляется?

– Ой-вей, таки вы в курсе! – всплеснул сразу тремя щупальцами осьминог. – Или вы догадались?

– Тоже мне шпионы, – скривился Вок. – Что же вы радио не слушали, телик не смотрели? Эйнштейн свою теорию лет сто назад придумал.

– Ну откуда же можно знать? – Спрут сложил щупальце кренделем, видимо выражая огорчение. – Последние книги были из вашего тысяча девятьсот первого года.

Вок захотел съехидничать про задержки в почтовой торговле у такой продвинутой цивилизации, но спохватился – только что ведь релятивизм обсуждали. Пока книги туда везли да пока спрут обратно на Землю добирался, больше века прошло.

Не получивший порции ехидства осьминог продолжил объяснения:

– В то ваше время таки не было ничего. Кроме книг, конечно, и тетрадок. Это сейчас – прилетаю и вижу-таки комплексную систему, флешки, жесткие диски, телевизор можно

смотреть, совсем другой коленкор. А тогда почти все на бумаге. – Спрут вздохнул и продолжил: – Только книги были не очень подходящие. Художественная литература называется. Неправильно выбирали, что отправлять.

– Так вы теперь знатоки авторского вымысла? И не в курсе научных реалий?

– Таки почему? – возмутился осьминог. – Мы получили много и фантастики. Фантастику таки всегда с оглядкой на науку сочиняют.

– Не длинновата цепочка? Фантастика тысяча девятисотых про достижения и догадки тысяча восьмисотых. А научные книжки заказывать не пробовали?

Осьминог воспрянул:

– Конечно-конечно, но немного раньше. Из Москвы много книг получили, все научные. Того времени, разумеется, – взглянул на Вока и печально уточнил: – Нам их в тысяча шестьсот пятом году отправили.

Что же это был за год? Средневековье? Наука тогда, пожалуй, задачи посерьезней сегодняшних решала – про ангелов на острие иглы. До сих пор не решила. Что там еще было? Паду ли я стрелой сраженный? Нет, то раньше, до монголов. Бориску на царство? Ну, это лет тридцать назад или сорок. Стоп, Бориска – это ведь не про Ельцина, а про Годунова, конец тысяча пятисотых. И конечно, Москва...

– Так, значит, вы... вы украли библиотеку Ивана Грозного?

– Почему украли, почему сразу украли? – Осьминог аж подпрыгнул от возмущения в своем кресле. – Взяли почитать. Это таки библиотека, может, у нас абонемент.

Вок пожал плечами – чего спорить, тем более по ходу движения в сторону неизвестного мира под названием... Неизвестным пока названием, которое надо потом спросить при случае.

– Ладно, временно забудем о больном. Расскажите тогда про свой мир, может, придумаю, что из вашей библиотеки интересного стырить.

– Таки наша планета там. – Осьминог поднял два щупальца и показал ими одновременно на два разных выключенных экрана. Сила тяжести значительно больше земной, как, кстати, и вязкость атмосферы. Эксцентриситет орбиты...

Воку показалось, что он заснул. Сразу, не дожидаясь эксцентриситета орбиты. Потряс головой и потребовал:

– А нельзя ли в стиле художественной литературы? Понятнее для публики, так сказать? И численные значения можно совсем опустить.

– Конечно, конечно, – согласился осьминог. – У нас же таки простой светский разговор.

Вок все равно заснул, успев только узнать, что инопланетные головоногие у себя на родине не ходят и не плавают, а движутся как-то средне – атмосфера очень плотная. Через несколько минут Вок проснулся и узнал, что у спрутов несколько полов, хотя для размножения достаточно и двух, поэтому семьи чаще всего парные. Проснувшись еще разок, выяснил, что технические достижения невероятны, но не являются мерилем прогресса.

Основательно выспавшись, Вок спросил:

– Интересно, почему вы обо всем честно рассказываете? Не умеете секреты хранить?

– Зачем? – удивился лектор. – Каждый все равно по-своему поймет. Посмотрите на ваш телек. Берут правды на минуту, к ней врут еще минут двенадцать. А каждый зритель понимает то, что хочет понять. И правду никто не видит, и ложь не замечает.

Таких политических заявлений Вок от инопланетянина не ожидал. С чего бы? Или спрут кандидатом в депутаты решил записаться? Так не пропустят, скажут, финансируется из-за рубежа. Одернул себя – ну и чушь мешалась в мозгах! Видимо, проснулся еще не до конца. Вок потряс головой четыре раза подряд и перешел к насущному:

– Обещаете меня во сне языку научить. Но сомнения берут, сами ведь не особо хорошо разговариваете. Может, стоит обратиться в какое-нибудь учебное заведение получше?

– Таки не особо хорошо? – огорчился осьминог. – Мне казалось, что очень хорошо, просто-таки ярко и насыщенно, можно сказать.

– А акцент из КВНа – тоже особо хорошо?

– А скажите мне, Владимир, – объявил ехидным голосом осьминог. – Если бы я таки излагал без акцента, вы приняли бы меня за воронежца?

Вок хохотнул. Разных воронежцев видел, особенно среди тех, что у пивных ларьков толкуются, но вот чтобы с кожаными щупальцами... Осьминог же продолжал:

– Ответ ваш я таки могу предсказать. И теперь представьте себе, если бы я говорил точно так же, как вы. Меня бы все время спрашивали, покоя бы не давали вопросами. – Тут осьминог произнес фразу писклявым тоном со всеми акцентами одновременно и ломая слова: – «И гиде это ви уважаемый научились-таки разговаривать по-русски?»

Помахал щупальцами. Теперь он произносил слова абсолютно правильно, как диктор Центрального телевидения:

– А оно мне надо? Иностранцем быть лучше, сразу видно, инопланетянин не притворяется, своим не прикидывается. Доверия больше.

– Значит, акцент – специально. Выходит, и я на том, инопланетном, с акцентом разговаривать буду? – усвоил первый урок шпионажа Вок.

– Я уже говорил, что вы таки умный человек, Вова. А когда вернетесь, получите гонорар, станете и богатым человеком. – Вдруг спрут спохватился, замахал щупальцами: – Я таки забыл про одну вежливость, не спросил, как вы расстались со своими близкими? Очень ли они сожалели?

Вок уверил заботливого осьминога в том, что все прошло самым достойным образом, не останавливаясь ни на подробностях расставания с Валентиной, ни тем более с Бининым. Уже в каюте, завалившись на койку, сообразил – родители. Им даже не позвонил. Хотя... а надо ли? Отец с матерью не так чтобы разошлись, не так чтобы поссорились, просто стали в какой-то момент жить отдельно. Перезванивались иногда между собой, но виделись редко. Вок даже не вникал, почему такие отношения сложились, и им не надоедал. Знал, что, если один спрашивал другого, «звонил ли Володя», тот обязательно отвечал, что звонил, просто чтобы не волновать. Вот и ладно, все довольны.

* * *

Вок уже с полчаса смотрел в потолок. Делать было нечего, а от купленной в воронежском киоске книжонки, с красивой обложкой и принцессами внутри, тошнило. На обложке закованный в броню воин жонглировал парными мечами, аннотация обещала подробное и профессиональное описание боев. Черта с два! Обещанные подробности тут же раскрыли в технике героя столько уязвимых мест, что даже начинающий выиграл бы у него на первых секундах. Теперь книжонка валялась на полу, ожидая, пока Вок найдет утилизатор. Должен же в комплект космического корабля входить утилизатор, корабль, конечно, не с канонической научной фантастики срисован, но не до такой же степени он необычен, чтобы мусорную книжку выкинуть некуда было!

Глаза настолько устали пялиться вверх, что показалось – по пластику потолка пробежала волна. Тряхнуло все помещение, значит, не показалось. Вок наконец пришел в себя, вскочил и ударился затылком. Каюта сжалась до полутора метров в высоту. Углы поплыли, теряя чопорную девяностоградусность. Один конец койки подпрыгнул, ударив подушкой по голове. Подушкой? По ощущению, ее вдруг набили песком. Ноги дернуло в сторону. Упал, пытаюсь перекатиться – какой к чертям перекат, места не осталось, пропало место! Застрял между койкой и придвинувшейся стеной. Затрещали ребра. Стена испугалась треска, отпрыгнула. Дверной проем оказался вдвое шире двери, и она улетела вдаль. Вок вывалился из каюты, побе-

жал к лестнице и уперся в тупик. Где лестница? Развернулся, коридор бесконечно извивался. Бесконечно! Вок остановился, протер глаза, но коридор извиваться не перестал. То там, то здесь стена, пол, потолок шли волнами, выпучивались, казалось, пытались достать и раздавить. Время тянулось, пространство все менялось и менялось. Дергалось и кривлялось. Вок пригнулся, уклоняясь от выпятившегося лестничными ступеньками потолка, опять замер. Не суетиться, не сбивать дыхание, уворачиваться от возникающих углов. Уворачиваться, пока чего лучше придумать не получится. Или пока спрут не придет на помощь.

Легко на помине – в дальнем конце коридора замелькали щупальца. Нет, осьминог тоже влип, проход сузился, сжав головноного с четырех сторон. Показалось, что сейчас торчащая его часть лопнет, развалится на кожаные квадратики. Кульминации Вок не увидел – спрута заслонили небритые мужики южного вида. Откуда они здесь?

Момент, и все прекратилось. Будто закончился ролик и на экране застыл первый кадр. Коридор вновь стал прямым и коротким, одиннадцать дверей и проход на лестницу. Глюки? Нет, ребра еще чувствовали встречу со стеной. Значит, бред типа эпилепсии – бился обо что попало и воображал... тоже что попало.

Вок поднялся по лестнице и обнаружил пустой салон – ни пульта, ни кресла, из мебели – нечто кубическое в дальнем углу. Опля, да это же осьминог, такой, каким его коридор сплющил. Помочь? Как? Как делают искусственное дыхание осьминогам? Да еще инопланетным?

Совершенно симметричный кубик... нет, с обратной стороны хозяин корабля выглядел чуть лучше, здесь он хотя бы шевелил щупальцами. Вок взялся за одно, потянул, потом за другое, распутал третье. Дальше пошло проще, точнее – этого хватило, чтобы спрут развернулся самостоятельно. Медленно заполз в неизвестно как появившееся кресло. Хихикнул:

– Неплохо, неплохо.

– Это что, входит в программу? – Вок потрогал свои любимые ребра.

– Таки происходит. Путешествия, скажу я вам, полны опасностей, летят какой-нибудь Смит и его собака Топ на воздушном шаре в Нью-Йорк, вдруг шторм, крушение, и хорошо, если падают на остров, а не прямо в морскую мокроту.

Похоже, в последней партии похищенных с Земли книг имелся и «Таинственный остров» Жюль Верна. Вот только кто из присутствующих здесь, на космическом корабле, идет за Смиа, а кто за собаку Топ? А у Жюль Верна, кстати, еще и раб какой-то присутствовал черного цвета. Ладно, не до обид сейчас. Получается, корезило корабль неким космическим штормом? И последствия могли случиться самые нехорошие?

– Часто штормит вот так-то? – Вок дернул плечом и добавил: – Кстати, только пассажиров в кубики превратить может или весь челн в пыль растереть?

– Таки кто же даст ответ на такой вопрос? Корабли пропадают, космос, знаете ли, это совсем не на кухне сидеть у тети Сони. Но если корабль исчез, то кто же объяснит от чего? От того что его немножечко покорежило или по другой уважительной причине? – Осьминог засуетился. – Ох! Пассажиры. Водолазы могли-таки удивиться! Вы им, пожалуйста, ничего не говорите, они не в курсе, куда мы добираемся.

Могли удивиться? Ничего нельзя говорить? Значит, рабы на этом воздушном шаре имеются. Понятно. Воку тут же представился невольничий корабль. Трюм, загруженный пленеными в Африке неграми-водолазами. Есть в Африке негры-водолазы? Наверное, есть. Небритые мужики, мельтешившие в коридоре во время шторма? Они? Вок обернулся, но спрута рядом уже не было. Убрался тюремный трюм проверять? Вок нагло расположился в освободившемся кресле. Капитан сказал «мы везем». Получается, или инопланетян на корабле несколько, или Вока он записал в свои подельники. Нехорошо, уголовная романтика даже в детстве не интересовала, а уж то, что касается похищения людей... Невольников надо освободить, вот только куда? На волю в открытый космос? Хмыкнув над картинкой бунта на пиратском космическом корабле, Вок еще раз вспомнил южного, но не негритянского вида мужиков

в корежимом коридоре, а потом представил себя с медалью «За освобождение негров Средиземноморья».

* * *

Капитан вернулся минут через десять вполне довольный. Похоже, живой груз сильно не пострадал. Или некий процент невольников идет в его бизнес-схеме по статье «неизбежные потери»? Спрут развалился в кресле – точно таком же, в каком сидел Вок, и тоже непонятно как появившемся.

– Что за рабство на корабле? Кого вы в трюме держите?

– Рабство? Почему-таки рабство? Там пассажиры, просто они не знают про нашу работу, а вместо этого они играют в хорошую игру.

Недоумение на лице Вока заменило все вопросы. Хотя, если вдуматься, залез на корабль к инопланетянину, так не удивляйся мелочам.

Инопланетянин от объяснений не уклонялся и даже попытался разложить все по полочкам. План у него был достаточно простой. Воку, понятно, предназначалась роль главного шпиона, а где шпионить, как не в кругах высшего общества? Сложность заключалась в том, что в это общество мог войти только человек богатый и лучше бы знатный. Значит, появляться, особенно в первый раз, следует с особой пышностью, то есть без свиты никак нельзя. Поэтому на место назначения Вок прибудет с должным эскортом, быстренько предъявит свиту, и она тут же отправится по домам. А если что, так эти ребята вообще не в курсе – иностранцы. Если и болтают, то непонятное, да и кто же им поверит.

Новых вопросов возникло не меньше, чем получено разъяснений. Первый – как же они смогут изображать, если совсем не в курсе?

– Уже изображают, – хихикнул коварный спрут. – Я им сказал, что реалити-шоу снимается про Древний Вавилон. Рыцари там всякие, турниры, викинги. Вот они сидят в трюме и играют. Получили общее направление, конечно же, согласно сценарию шоу, а в остальном пусть по обстоятельствам действуют, так сказать, импровизируют.

Может, Вок и не хорошо учился в школе, но про Вавилон и викингов слышал. Потому сразу возмутился – между теми и другими больше тысяч лет, чем между турнирами и этим вот космическим кораблем.

– А вы точно уверены? – огорчился осьминог. Вздохнул и решил не заморачиваться: – Ну и ладно. В кино у вас еще хуже показывают, водолазы привыкли.

– И вы считаете, что они не догадаются про космический корабль?

– А вы бы догадались?

Уел, нечего сказать. Если бы не сжатие, Вок в жизни бы не поверил, что летит куда-то. Скорей, действительно вообразил бы, что заперли в подвале и снимают реалити-шоу. От обиды на собственную тугодумность у него взыграло чувство справедливости.

– Значит, они вот так, ничего не зная, будут все время за мной бегать? Опасности и такое прочее?

– Зачем все время, это совсем ни к чему. Покажутся местным жителям, ваши вещи на место доставят и домой отправятся. Мы двое останемся, больше-таки не надо.

– А кто назад корабль поведет?

Спрут только щупальцем махнул – найдется кому. Если так, то ладно, но что-то не складывалось в получавшейся картинке. Не верилось, что инопланетянин не в состоянии снабдить своего агента должным окружением на все время визита.

– Эти ваши аквалангисты. Если честно, почему не остаются со мной на все время? Хотя бы из соображений веселья, безопасности и гораздо большего количества глаз на местности?

– Нужен разведчик, шпион, если желаете так называться, таки надо возвращаться в местном обществе. А с ними – как? С ними вы суверенное баронство организуете, никак не меньше. Независимое и неприступное баронство, возьмем, например-таки, ваше собственное княжество Монако.

В воображении возникло Монако в космосе, казино, гонки «Формулы-1», туристы с Земли, проигрывающие миллионы, осьминоговы родственники, делающие то же самое. Но неплохая бизнес-идея рушилась на корню из-за нежелания инопланетного спрута придать своему шпиону команду каких-то там водолазов. Вок хмыкнул, махнул рукой и пошел в каюту спать. Времени прошло достаточно, адреналин отхлынул, усталость чувствовалась зверская.

Два одинаковых кресла естественным образом вписались в интерьер салона-рубки. Точнее, если Вок оказывался здесь в одиночестве, кресло обнаруживалось одно, понятно – осьминога нет, некому и второе сиденье использовать. Интересно, а присутствовала бы целая шпионская группа, так посадочных мест наставили бы как в кинотеатре? Наверное, да, много ли труда для космической цивилизации мебель клонировать.

Вок сидел и смотрел. Капитан сидел и возился с пультом, что-то поглаживал, слегка нажимал – не на кнопки, а около, поглядывал на экраны, ничего, кроме черноты, не показывающие. Вдруг откатился вместе с креслом на середину помещения и объявил:

– Мы приехали по назначению, то есть на орбиту. Теперь-таки ждать погоду.

Опять не складывалось одно с одним – лететь через какие-то там чертовы парсеки, без проблем находить планету среди множества небесных тел, «еще лучших», по словам того же осьминога. И вдруг ждать летной погоды, чтобы приземлиться. Вок, естественно, спросил, что же за странные уязвимости у инопланетянской техники, почему она ветра или, может, грозы боится, но спрут отвечать не стал.

– Вам таки надо спрашивать правильные вопросы, использовать доступное время. Вдруг сейчас спускаться, а вы ничего про там внизу не спросили.

О чем спрашивать? Путного в голову про Средние века не приходило. Рыцари, флаги, одежда двухцветная в шахматном порядке. Съехидничал:

– Что там в Средневековье было особенного? У каждого лорда свои цвета?

Осьминог понял вопрос буквально. Или сделал вид, что буквально.

– Честно скажу я вам, таки не много знаю про внизу. Выбирайте какие хотите – может, выйдет и как лучше. Какой цвет больше всего нравится?

Вот уж никогда не задумывался. В детстве очень любил зеленый. Зеленый? Пожалуй, поробингудовски. Еще, если о рыцарстве вспомнить, красиво красное с черным.

– Может, вы имеете в виду красное на зеленом? – Осьминог будто угадал мысли, тут же их перепутав. – Очень приятное сочетание.

– Дикое сочетание, – огрызнулся Вок. Вспомнил, как на уроке рисования в четвертом классе училка рассказывала про несочетающиеся цвета.

– Почему-таки дикое? – обиделся спрут. – Я в одно хорошее воскресенье гулял, между прочим, смотрел, как земляника растет. Очень красиво.

Вок представил себя в зеленом бархатном наряде, расшитом, будто детская пижамка, земляничками. Хохотнул, не удержался. Прочитировал:

– Если ляжете на газоне, то вас не будет видно, – и добавил: – Ну и ладно, потом хоть посмеемся.

Вдруг вспомнил про самое, наверное, главное и к местной планете совсем не относящееся. Выпалил:

– Сколько лет на Земле прошло? И сколько пройдет, когда вернемся?

Важностью вопроса осьминог не проникся, пошевелил неопределенно самым левым щупальцем:

– Таки тогда посмотрим, лет... наверное, года четыре. Или два, и почему это для вас важно?

– Четыре? Я считал, тысячи могут пройти! – Вок не стал уточнять, что читал про это в фантастике.

– Могут, разумеется, могут, – согласился осьминог. – Но ведь есть компенсация, технологии таки не отстают. Не полностью, конечно, компенсация, немножко все-таки пройдет.

Глава 4. Море, волны, водолазы

Пожалуй, самым большим отличием от всех представлений о кораблях – что о морских, что о космических – было отсутствие всякой тряски во время полета. Да что тряски, никакого ощущения движения. Видимо, группа поддержки с кодовым названием «водолазы» и не могла ни до чего догадаться. Организм, вестибулярный аппарат, настойчиво утверждал – и каюты, и салон, и кресло с осьминогом неподвижны в пространстве, что твоя гора Эверест. Тот случай, когда корабль корежило, не считался – прыгали стенки, пол, потолок в разные стороны, но цельного движения все равно не ощущалось.

А вот теперь каюта покачивалась. Слегка, но не очень приятно. Опять корежит? Потолок на месте вроде. Но не до раздумий, Вок вскочил в джинсы и пробкой вылетел в верхний салон. Салона не наблюдалось, вместо него имелась обычная железная палуба обычного катера. Бело-синяя с такими же бело-синими ограждениями, кое-где тронутыми ржавчиной. Катер качало на серых морских волнах. Ветер срывал пену, иногда бросая мелкие брызги в лицо. Соленые.

Вок повертел головой – сзади о борт терлась пришвартованная лодка. Деревянная, с мачтой и сложенными внавалку веслами, вокруг суетились люди в кожаных доспехах, рогатых шлемах, с мечами на поясах. Викинги? Да нет, «водолазы», догадался Вок. Какие же это викинги, если грузят на ладью обычные спортивные сумки, на одной даже логотип Adidas мелькнул. Ролевики, понятное дело.

Ну, теперь хоть выяснилось, зачем ждали погоду – может, гордые северные воины и пересекали Атлантику в любой шторм, а вот с имеющейся массовкой осьминог мудро решил не рисковать и в викингской ладье их прямо внутрь урагана не запихивать. И Вока, кстати, тоже не запихивать, за что осьминогу большое спасибо.

На том конце корабля-трансформера, который Вок назначил кормой, возвышалась надстройкой, за ее стеклом даже виднелся классический деревянный штурвал. «Космический пульт превратился в рубку траулера, что же необычного, каждый день такое видим», – прокомментировал про себя Вок и полез по лесенке на крышу этой самой рубки. Там обнаружилось знакомое кресло с осьминогом, которое появилось, пока Вок штурмовал железный трап. Осьминог объявил:

– Вам пора-таки переодеться, и несите багаж.

Понятно, дальше со свитой и на лодке. Только неожиданно как-то, без прощальных объятий и, главное, детальных инструкций.

– Сомнение меня гложет в плане направления. Куда плыть-то? – озвучил Вок.

– В порт. – Спрут, видимо, состоял в родстве с капитаном Очевидность. Подумав, он добавил: – Там город, и я надеюсь-таки, местная столица.

– Иду я, значит, к королю, предьявляю свиту, и занимаю вакантную должность инопланетного шпиона?

– Не так быстро, не так быстро. Просто разместитесь, отдохните, вас сами заметят. Люди везде народ любознательный, еще и отбоя не будет от приглашений, чтобы посмотреть на иностранца глазами.

– Значит, на постоянный двор, – заключил Вок.

– Да что вы, что вы, – в ужасе замахал щупальцами осьминог. – Вы же благородный человек, граф, например... наверное, так у местных это называется. Идите на площадь и стучите в самый большой дом. Здесь ведь-таки Средние века – наглый человек сразу барон, а очень наглый даже и граф.

– А платить как? – спохватился новенький барон или даже и граф.

– Золотом, конечно же, золото еще никто нигде не отменял. Блестит, знаете ли, тяжелое, не ржавеет, все цивилизации внимание обращают. Хотя... бароны в большинстве миров

не платят, они же благородные люди. Вы только не беспокойтесь, пожалуйста, разберетесь по обстоятельствам, в конце концов, это вы таки на местных похожи, а не я.

Пока болтали на палубе, в каюте появился соответствующий костюм. Откуда – непонятно, Вок вошел и увидел разложенные на койке штаны, куртку. Или, может, камзол? Пусть «камзол», все равно не понятно, как эти разноцветные-раззолоченные изделия надо называть. Нарядился, немного путаясь в незнакомых деталях. Одевание заняло какое-то время – не то чтобы молний или липучек, даже пуговиц не наблюдалось, все на шнурках и завязочках. Вот в какую древность занесло. Пуговицы им изобрести, что ли? Или прогресс лучше начинать с древней застежки-фибулы?

Отложив мысли о продвижении технического прогресса в портняжное дело, Вок поднялся на палубу, перевесился через ограждение и бросил сумку с книгами в ладью. Перебрался сам и потащил багаж в небольшой шатер, который успели установить водолазы. Выглядела палатка по-дурацки – зеленая в крупный красный горошек. И еще она выглядела совершенно неуместной на деревянной некрашеной ладье, среди плохо оструганных скамеек, которые, кажется, называются банками.

По идее трудолюбия от благородного хозяина интернациональной галеры не ожидалось, да и не знал Вок, чем можно заняться. Покрутил головой, прошел туда-сюда вдоль палубы, заглянул через борт – вода совсем близко. Романтика, открытие Америки задолго до Колумба. Много ли от Воронежа до той Америки по сравнению с вот этим местом посреди то ли чужого моря, то ли даже океана!

Гребцы оттолкнулись от железного борта космического корабля, который все еще выглядел катером, и начали развешивать по сторонам откуда-то взявшиеся деревянные щиты. «Ну, точно, викинги со своим викинговым драккаром», – ухмыльнулся Вок. Делать ему было совершенно нечего, нашел в шатре маленькую табуреточку и уселся перед входом наблюдать. Водолазы мерно гребли, изредка переговариваясь на незнакомом языке. По интонациям, мелодике понятно – славяне, но вот слова ни одного знакомого. Балканцы какие-нибудь, там национальностей и языков, наверное, не меньше, чем на Кавказе.

Куда плыть, балканцы определенно знали. Или, может, осьминог выдал им компас и задал азимут. В мореходстве Вок силен не был и доверился гребцам – в конце концов, ладья плывет по воде, а их за что-то прозвали водолазами. Жаль, парус собранный висит, серый, на вид как картофельный мешок, с ветерком красивей бы гляделось.

Море на горизонте начало загибаться вверх. Похоже, берег находился не особенно далеко, да и приближался быстрее, чем можно ожидать, сидя на гребном судне. Берег? Волна! Навстречу ползла огромная волна, совсем не похожая на земные. Она не спеша надвигалась по совершенно ровному морю. Конец! Не может ладья, даже самая продвинутая, взобраться на вертикальную стену. Гребцы! Они же не видят, сидят спиной вперед! Вок вскочил, крикнул, замахал руками. Викинги тоже повскакали, но паниковал, судя по всему, он один. Ну да, для них же здесь просто съемки. Компьютерный эффект или что еще? По одному нырнули под палубу, вытащили сумки с пожитками, прикрепили их к своим скамейкам.

Вок схватил ближайшего за плечо, не задумываясь, заговорил по-русски. Объяснить – волна настоящая. Не о вещичках думать надо, а одежду тяжелую скидывать. Тот улыбнулся и показал большой палец – все нормально. Потом свистнул, сказал что-то отрывистое. Еще двое подхватили Вока под мышки и, не спрашивая, привязали к мачте. Во дают, теперь точно вниз рыб кормить.

Волна уперлась в нос, поставила ладью на попа, и получилась такая картина, что Вок даже бояться забыл. Судно ползло вверх по почти вертикальной стене воды, викинги, вдев руки в лямки своих сумок и рюкзаков, спокойно свисали вдоль палубы. Нет, не спокойно, один все пытался отвернуть голову от болтавшегося рядом грязного сапога, другому висеть

казалось неудобным, и он цеплялся коленями за уворачивавшуюся скамейку. Вок вывернул шею, сколько мог, – шатер стоял на своих растяжках как ни в чем не бывало, а табуреточка исчезла.

Когда драккар закончил восхождение и смачно плюхнулся на плоскую верхушку волны, Вок неприятностей уже не ждал. Уверился, что хитрый спрут заранее прознал местные навигационные заморочки и заложил в простую древнюю ладью не простой и не древний потенциал.

Как только волшебное плавсредство спустилось по другой отвесной стене, шпиона отвязали от мачты. И сразу начали привязывать снова – вдали показалась вторая волна. После четвертой он еще долго стоял арестантом, пока команда не решила, что шторм миновал. Развязанный шпион, а также барон или граф на карачках уполз в сумерки шатра, рухнул на подстилку и врезался не успевшей зажечь бровью в спрятавшуюся здесь от шторма табуреточку. От черт! Бровь тут же заболела, но зато в голове просветлело достаточно, чтобы вытащить зловредную мебель на свет божий и, стараясь выглядеть как ни в чем не бывало, усесться для медитации на виду у гребцов.

Город появился на горизонте как раз между мыслью, что пора идти спать, и воплощением этой мысли в жизнь. Команда устало шевелила веслами, не сделав за все время ни одного перекура. Берег почти не приближался, и Вок задремал прямо в сидячем положении – не до конца, а продолжая, уже во сне, думать про перекуры. Проснулся почти с тем же вопросом – а как здесь с пороками? Курить Вок не курил, да и не пил практически, спорт – профессия, излишеств не допускающая. Но ведь Средневековье, должны быть пьянки, гулянки, охота, турниры, женщины и прочее обязательное для каждого уважающего себя человека. Придется привыкать, назвался шпионом – полезай в... куда лезть, Вок не додумал, ладья вошла в гавань.

Наперерез тут же выскочили две легкие лодочки, замельтешили перед носом. На каждой гребец и солдаты – по три человека. Один из водолазов бросил весло, вышел на нос, закричал, недовольно размахивая руками. В борт под ним впилась стрела. Предупредительный выстрел, понятно с первого раза. Костюмированные викинги тут же сменили тактику, сбросили веревку с узлами, по которой на борт ловко забралась тройка таможенников. Гребцы и тот, что с луком, остались на своей территории.

Один из прибывших, главный, судя по надутости, что-то сказал, Вок не расслышал, а ведь так и зудело проверить, не наврал ли спрут про сонное обучение местному языку. В школе считал иностранный самым ненавистным предметом, не давался он, а тут раз, и все должно быть в порядке. Если не накосячил осьминог.

Викинги с представителем власти не церемонились, шестеро поднялись с банок и присоединились к разговору. На своем, балканском, конечно, но и вида их было достаточно, чтобы понять – таможенная пошлина не обломится. Начальник над податями огорчился и немного сдулся. Заговорил быстро, размахивая руками, показывая на гору, где, на склоне, торчал довольно приличный замок. Указывал он средним пальцем, что заставило Вока хмыкнуть по поводу особенностей местного воспитания. Из слов удалось уловить только обрывки – «положено», «так правильно», «высокий принц». Или может быть «высокий» относилось к замку? Не важно. Как говорилось в великом фильме, на котором заикнулись все телеканалы: «Понять его немудрено, они Кемскую волость требуют».

Вок встал со своей табуреточки, сделал несколько шагов к вражескому представителю, приобнял того за шею. Не по-дружески, как в кино, а с легким нажимом на болевую точку – таможенник не посол, а так, типа холоп боярский. Хотел нашарить в кармане что-нибудь вместо той же шариковой ручки из фильма. Не нашел и предввил врагу кукиш. Не очень вежливо, конечно, но, по всему, в Средневековье именно так и разговаривали вниз по вертикали иерархической лестницы. И уж тем более так следует разговаривать с теми, кто средними пальцами размахивает. Получатель недоуменно посмотрел на незнакомую фигуру, покосился на воору-

женных викингов. В глазах его мелькнула дилемма – если отступить, накажут, может, и казнят, не отступать – придушат прямо сейчас. Вок же подвел черту, с непривычки коверкая чужой язык:

– С высоким принцем высокий гость говорить сам, – разозлился на себя и добавил уже нормально: – Без посредников.

Таможенники прыгнули к своим гребцам и помчались прочь еще быстрее, чем появились. Ладья же тяжело двинулась к причалу, вывесив далеко перед носом деревянные сходни.

Глава 5. Супербарон и опять водолазы

Высадку закончили только в сумерках, не спеша двинулись вдоль улицы. Впереди двое с факелами, за ними третий с флажком на палке. На зеленом флажке земляничка – ну что тут поделаешь. За Вокм маршировали остальные викинги – изображали охрану, а заодно волокли три тяжелых сундука. С богатством, надо понимать.

Площадь нашлась достаточно быстро – не бог весь каких размеров у высокого принца столица. Строго по спрутовой инструкции забарабанили в самую массивную дверь. Открылась она почти сразу, предъявив пожилого человека со свечой, из-за спины которого выглядывал не менее пожилой стражник, скорее привратник, в железном шлеме набекрень.

Вок подавил желание представиться, вовремя сообразил – хозяева в таких домах сами двери не открывают. Задрал подбородок и шагнул вперед, оттесняя одним плечом дворецкого, другим охранника. Повернулся к первому и коротко бросил:

– Веди.

Сработало, человек чуть заметно, так, что аристократическому гостю и придраться не к чему, пожал плечами и прошествовал в коридор, сзади викинги затаскивали в прихожую тяжелые сундуки.

Хозяин оказался такого же немолодого возраста, по виду – отставной вояка. Хотя шрам на брови и смятое ухо можно и в кабаке получить, да и – вспомнился Бинин – даже в драке с боксером.

– Граф де ла Коста, – кивнул Вок. Из каких глубин всплыло имя и почему именно граф, осталось непонятным и ему самому.

– Супербарон Кетсинг. – Хозяин протянул вперед руку ладонью вверх.

Опля, так он сразу денег просит? Как запросто, без церемоний, меркантильный народ, нечего сказать. От конфуза уберегло воспоминание. Где-то слышал – в древности руки жали, чтобы проверить, нет ли камня в кулаке. Ладонью вверх даже яснее, чем рукопожатие, значит, надо повторить жест. Угадал – носящий немецкую фамилию супербарон улыбнулся. Улыбка тоже, кстати, из той серии – покажи зубы, но не рычи. Вот только забыл Вок, зачем их показывать, если не рычать.

Супербарон оказался человеком гостеприимным, с расспросами к человеку уставшему не приставал, а лично проводил в небольшую комнату, где измученный морскими приключениями граф де ла Коста тут же и отрубился, кажется не дождавшись убития хозяина.

Как отдыхалось свите, Вок не вникал, не графское это дело, в конце концов. Даже и не хозяйское, на то дворецкий имеется. Сам же граф подольше провалялся в постели, поднялся, когда колокольчик зазвонил, правильно угадав в звуке сигнал к завтраку. На свежую голову с интересом осмотрел дом. Выглядело жилище скромнее, чем можно было ожидать, и по внешним размерам, и для супербаронского титула. Или это признак древности рода, когда фрески на стенах еле различимы, а гобелены нуждаются в штопке?

Кстати, что за титул супербарон? Хотя... есть ведь старший лейтенант, где-то суперинтенденты существуют, почему же отказывать местной аристократии во внутри-баронской иерархии? Наверное, здесь и суббароны встречаются – по аналогии с редкостными, но не вымершими пока младшими лейтенантами.

Но – ближе к завтраку насущному! Один раз по телику говорили про прогресс кулинарии. Типа то, что сейчас деликатес, лет через сорок вкусовых восторгов не вызовет, а то, что лопали двести лет назад, сегодня в рот возьмешь разве с голодухи. Истинная правда, на завтрак в этом средневековом доме шла незнакомая пенопластовая каша, сверху ее силилось прикрыть

маленькое жареное яйцо. Вок скопил глаза – на длинном низком столе, за которым сидели слуги, виднелись такие же миски, только каша в них была единственным ингредиентом.

– Рад приветствовать гостя в моем хлебосольном доме! – важно произнес хозяин и отправил в рот немного каши.

Черт его знает, может, это тост такой, под гарнир? На всякий случай Вок повторил формулу:

– Рад гостить в твоём хлебосольном доме!

Каша, под которую произносятся тосты... Ну что ж, вчера ведь без ужина обошелся, посчитал – сон важнее. Так что спасибо барону – пошла каша.

Разговаривали после еды, когда слуги – и баронские, и фальшивые графские – покинули зал. Беседа велась под легкое вино, напомнившее сидр, сделанный почему-то из винограда. К тому же сидр был а-ля натурель, в смысле – с довольно навязчивым дрожжевым запахом.

– Вы иностранец, – утвердительно сообщил барон. – По акценту слышно. Откуда, если не секрет?

По акценту? Не чувствовал Вок за собой такого, но осьминог говорил, конечно, говорил. Самопровозглашенный граф взял и честно признался:

– Из России, – помахал рукой в сторону, надеясь, что именно в том направлении находится юг, и добавил: – Не знаю названия на языке вашего королевства. Я живу далеко на юге.

Как там говорилось про шпионов? Надо придерживаться правды, вставляя ложь минимально, только когда это совсем необходимо. Вот и сейчас – есть ведь определенная вероятность того, что Россия вместе с Землей находится в сторону юга от баронской столовой. К тому же жителю Воронежа, находящегося к югу от Москвы, правомерно считать себя южанином.

– Остров? – Барон, надо понимать, ориентировался в сторонах света, знал, что к югу от его дома находится океан.

– Нет, материк, самый большой.

– Самый большой? – не то переспросил, не то усмехнулся хозяин, но спорить не стал. – Туда мало кому добраться удастся, море беспокойное. Десять отправятся – один вернется. Да и то непонятно, добрался или с полпути повернул и придумал, что в голову пришло, про дальние страны. Расскажите, много ли там у вас особенного?

Такого непосредственного вопроса Вок не ожидал. О чем говорить? О Воронеже? Про бетонные двенадцатизэтажки, про троллейбусы, путающиеся в узких центральных улицах, про водохранилище? Про что? Расскажешь, и никто тебя серьезно воспринимать не будет, свой местный Мюнхгаузен образуется – гордость и достопримечательность королевства. Как бы выкрутиться?

– Я вчера прибыл и не знаю, что может оказаться интересным, что у вас не так, как у нас.

– Придворные сплетни наверняка разные, – сказал хозяин таким тоном, что стало понятно – придворные вопросы его мало волнуют. – А остальное интересно. Расскажите то, о чем самому говорить нравится.

А все-таки, что супербарона интересует? Телика нет, футбол не пообсуждаешь. Вспомнился не лезший за словом в карман спрут с его акцентом. Ага, как принято у нас в Одессе, вопросом на вопрос перевести стрелки с расспросов.

– А у вас какие последние события?

Последним событием, барона интересовавшим, оказался большой рыцарский турнир. Уловка сработала, прошедшие состязания заняли минут сорок застольной беседы. В ответ Вок рассказал про последнее российское первенство – то, на котором его выгнали из команды. Приукрасил, конечно, и свои успехи, и само мероприятие. Оказалось, что супербарон большой знаток спортивного регламента, и разговор вылился в бурное обсуждение преимуществ олимпийской системы против соревнований по сетке. Потом пошло сравнение с более сложными местными вариантами, учитывающими знатность и заслуги участников.

Из-за стола встали, когда уже и обедать пора бы садиться, причем чувствовали себя лучшими друзьями и обращались на «ты».

– Знаешь, дружище, – объявил супербарон. – Навести-ка ты нашего принца. И тебе интересно, и его высочество порадует. Он человек просвещенный, даже купцов слушает с удовольствием, что уж они врут про дальние страны. А ты ведь действительно знаешь, о чем рассказываешь, жизнь там прожил – правда всем интересна.

«Правда, – хмыкнул внутри себя Вок. – Впрочем, Земля, Россия – тоже дальняя страна, кое-какую правду про нее я знаю».

– Представишь меня принцу? – спросил он.

Зря спросил, хозяин смутился. Видимо, не по титулу супербарону гостей коронованной особе представлять. Плохо, одно дело – мелкая услуга, другое – просить, чтобы он замолвил словечко кому повыше. Не к лицу графу такая просительная цепочка. Не надо было этот вопрос задавать. А к принцу? Да просто явиться к замку и подудеть в рог, ежели какой-нибудь рог найдется в доставленных водолазами сундуках. К счастью, барон не обиделся и предложил другую идею:

– Знаешь, в замке скоро большой прием. Пойди, а там или принц тебя по одежде заморской отличит, или ты его.

– Хорошо, если он отличит, а я-то его как узнаю?

Вок ожидал объяснений, как выглядит корона или еще какой-нибудь знак принцевого отличия, но вместо рассказа на столе появился пергамент. Супербарон макнул кисточку в чернильницу и за несколько минут нарисовал тонкое улыбающееся лицо с узкими глазами и выдающимся подбородком. От такого таланта Вок потерял дар речи. Нет, он видел, как уличные художники быстрым штрихом проводят напоминающий клиента профиль, но они и в подметки супербарону не годились. Зеленоватый чернильный рисунок на белоснежном листе украсил бы любую выставку офортов и графики. Хотелось выразить свое восхищение, извиниться за то, что не понял сразу, к какому великому художнику занесла судьба... но промолчал. Возникла мысль – а не тайное ли это хобби? Ведь в земном-то Средневековье баронские успехи измерялись войной и охотой, а рисование считалось ремеслом. Может, не стоит и здесь заострять внимание?

Пока Вок рассуждал, барон смял использованный лист бумаги, потряс его и вновь разгладил. Поверхность сверкала белизной, чернила не оставили и следа, великолепный рисунок исчез. Произведения искусства стало жалко, но вот ведь средневековые технологии – много-разовая бумага. Есть чему поучиться. А может, и у нас было такое, что сегодня забыто? Без всякой Атлантиды или потерянных городов инков? Просто забыто за кажущейся незначительностью, да и все?

Вок поблагодарил за идею и решил, что беседу на сегодня можно закончить, объяснив, что назначены кое-какие – неопределенное вращение ладонью в воздухе – дела. Будет еще время поговорить с бароном – человеком, по-всякому, приятным. Встречаются такие люди, которым сразу доверяешь, которым можно рассказывать о себе... не все, конечно, но больше, чем обычному собеседнику.

Попрощавшись с бароном, что выглядело скорее как отпрашивание, Вок отправился гулять по городу – показывать себя. Сзади маршировала свита – показывала графа. Ходили по улицам, для начала осматривая архитектуру, кстати сказать, совершенно не впечатляющую, потом двинулись на рынок. Ходили и двинулись – это, конечно, общие слова – шел Вок, а свита сопровождала, такова уж роль у массовки.

Рынок приблизительно соответствовал ожиданиям – толпящийся народ, телеги и столы с товарами на продажу, товарами совершенно неинтересными. Зачем сюда притащились? Ну, хоть одно дело вспомнилось – денег наменять. В сундуке ведь только золото обнаружилось,

никакой разменной монеты. Зато нашелся драгметалл в количестве достаточном для безбедного шпионствования. Золото, как объяснил спрут, во всей Вселенной идет за эквивалент благосостояния. Со своими недостатками, соответственно – для мелких расчетов малоприспособно. Но это ничего, довольно быстро обнаружился обменный пункт – босой человек, сидевший на деревянном ящике. Получив незнакомую монету, он с экспертным видом ее осмотрел, попробовал ногтем и поднялся со своей кассы. За одну монетку Вок выручил немаленькую горсть денег из металла подешевле.

Один из викингов – Вок уже разобрался, что он в ватаге старший, – подошел, поклонился. Затараторил на незнакомом языке, жестами показывая в сторону порта. Понятно – пора ехать, у слуг, оказывается, свое расписание, главному шпиону неведомое. Хотя осьминог и говорил возвращаться через день-два. Без вещей. Вспомнились огромные квадратные волны, тогдашний испуг, комментарии супербарона. Стало не по себе. Как-то не хотелось опять болтаться, к мачте привязанным.

На этот раз вышли под парусом – развернутый, он оказался обычным серым прямоугольником, без гербов и рисунков. Гребцы отдыхали, а как только постройки скрылись из виду, притащили свои мешки. Откуда они узнали про шторм, осталось загадкой. Да и не было никакого шторма еще целый час. А когда пришла волна, тоже квадратная, оказалась она пониже и, после позавчерашних впечатлений, не такая и страшная.

Викинги бросились привязывать своего господина. На этот раз один из них сунул Воку в руку два веревочных конца и показал пальцами – если дернуть по очереди, то узлы развяжутся. А дальше у ролевиков новый сценарий нашелся. Гребцы багаж свой развязали, внутри оказались самые обыкновенные акваланги. Вок даже осознать ситуацию не успел, когда ладья в волну носом уперлась, но на этот раз карабкаться не стала, а протаранила склон и ушла в глубину.

В нос, в горло полезла вода – ждал ведь восхождения на водяную гору всем кораблем, не сообразил воздуха в легкие набрать. Водолазы чертовы! Подлый осьминог не им наврал, а ему! Реалити снимает, гибель средневекового графа. Вок задергался и услышал, нет, почувствовал треск мачты. Вспомнил про веревки в руках, дернул, еще дернул, пробкой выпрыгнул на поверхность и ухнул вниз вдоль заднего склона уходящей волны.

Зеркально-гладкое море совсем не напоминало о катаклизме. Если, конечно, не выворачивать шею, глядя на уползающую водяную стену. Рядом болтался обломок мачты с остатками перекладки. Вок на него и взобрался. В общем-то, плавала деревянная штукавина хорошо и, при неимении конкурентов, вполне могла сойти за плот. Вок поднялся в рост, не удержался, шлепнулся в воду, но берег вдали рассмотреть успел. Рядом громко булькнуло, и из глубин выпрыгнул обломок весла.

Хороший рояль в кустах подготовил спрут. Обещал без свиты оставить – оставил. Причем самым правдоподобным способом. Отплытие все видели? Видели. Волну? Тоже видели. Был граф со свитой, остался без – потонули, болезные. А то, что эти заклятые водолазы уже чай пьют на космическом корабле, так, кроме вражеского шпиона, об этом никто не догадывается. Пытать будут – не расскажет, потому что все равно ни один палач не поверит.

Вок попытался грести к берегу – бесполезно. И тяжелое ладейное весло размером не подходило для единственно возможного здесь канойного стиля, и плот крутился на одном месте от неумелых толчков. Кстати, а почему мачта обломилась? Да так удачно? Тоже не просто так, надо понимать. И весло не сразу всплыло, наверняка специально подученный водолаз вверх со дна запустил. Может, парус сообразить, ветер ведь поменялся, к берегу дует? Вок снял считавшуюся камзолом куртку, продел весло в рукав, ткнул концом в оттопырившийся на вершине всей конструкции карман, уселся на свой плот и оттянул полу рукой. Парус получился совсем маленький, но мало лучше, чем ничего. И у переднего конца «судна» удавалось разглядеть на воде слабенький треугольник – похоже, нос все-таки резал воду.

Приготовился сидеть до полного затекания рук и ног. Так, в общем-то, и получилось – тело затекло уже минут через пятнадцать. Чтобы совсем не превратиться в деревяшку, осторожно поднялся, заодно и проверил, как там с берегом – было подозрение, что ветер может поменяться незаметно и нести гордый парусник прочь от спасительной суши. Берег нашелся на том же месте. К сожалению, в точности на том же, несколько не приблизился. Вок вздохнул, опустил на четвереньки, порадовался за свою ловкость – на этот раз обошлось без купания. Краем глаза заметил движение. Слева, почти под самой поверхностью, мелькнула ультрамариновая туша. Дельфин? Дружелюбный? Черта с два такое везение! Еще пожелайте, чтобы он к берегу плот толкал. Купаться совсем расхотелось. Зверюга или рыбина, про местную зоологию Вок осьминога порасспрашивать не сообразил, мелькнула опять, теперь проплыла в другом направлении. Заинтересовалась, гадина. Высунулась из воды, посмотрела одним глазом, дернула шеей и посмотрела другим. Плезиозавр? Хотя, может, здесь у самых обычных рыб шеи?

Выбросила вперед голову, впиалась зубами в мачтовое дерево – Вок едва ногу отдернуть успел. Плавсредство подпрыгнуло, зверюга развернулась, ушла вниз. Тут же под водой возникла вторая тень, всплыла из глубины и тоже попыталась укунить плот. Или это первая, поди опознай их по отпечаткам зубов на деревяшке. Вода пошла неровными волнами – плезиозавров все-таки два, дерутся? Хорошо бы съели друг друга. Хотя нет, Вок вспомнил – на запах крови раненой акулы собирается множество ее родственников и знакомых, таких же любителей набивать желудки чем попало. Так что лучше не надо рвать товарищей на куски, орошая море кровью, Воку ведь защищаться нечем, взятое на изготовку весло вряд ли может идти в зачет. Вдруг рыбины выпрыгнули свечками из воды, закрутились, свиваясь. Ого, они не дерутся, это, скорее, брачными играми обозвать можно. Если юные влюбленные рухнут на плот, не спасет и то, что вкусом им дерево не понравилось.

Внезапно чудовища скрылись, море тут же разгладилось, будто и не резвились здесь туши метров по восемь, угрожая жизни единственного на планете землянина.

Нет, пока не единственного, вряд ли спрут успел отправить домой массовку. Вок решил надеяться, что водолазы наблюдают из-под воды, обеспечивают безопасность, так сказать. Рыб на себя отвлекают. Не очень в это верилось, но думать лучше позитивно. И позитивно поднять парус – до суши-то неделю, наверное, пилить.

От паруса толку оказалось мало. Поначалу. Но ближе к вечеру ветер усилился, поднялась мелкая волна, часа за четыре прибив плот к плоскому песчаному берегу. На пляже Вок оказался только в темноте, поблагодарив фортуны и, главное, осьминога за то, что местом крушения выбрали не район отвесных скал.

Ночь, первая ночь на свежем воздухе, обернулась воздухом несвежим. Ветер стих еще до того, как закончилась морская прогулка, а поднятые им волны подогнали к берегу не только плот, но и гниющий морской мусор. Попытка отойти подальше вглубь континента результатов не дала, сразу за пляжем начинались колючки, продираться через которые ночью не было никакой возможности.

– Да и к лицу ли это благородному графу? – процедил Вок сквозь зубы. Потом крикнул во весь голос: – Кто тут есть поблизости? Не к лицу благородному графу рассиживаться на песке!

Понял – кричит по-русски, и решил, что сидеть на песке графу все-таки к лицу. Не стоять же до рассвета, тем более что ноги от скрюченности на притворяющейся плотом мачте болели, как после марафона. Ощупав себя, Вок обнаружил мокрый носовой платок в кармане и короткий, почти церемониальный, меч у пояса. Ох – ведь он даже забыл об оружии, пока плавал и собирался сражаться с морскими чудовищами. Вынул тонкое лезвие из ножен – вот как таким коротышкой отбиваться, если что? Не шпага, не сабля. Владеть такой штукой Вок не умел, даже не знал, как она называется. Обернулся к воде, вспомнил мореплавание и решил считать штуку кортиком.

Лежанку удалось организовать, вырыв горстью ямки под плечо и бедро, насыпав чуть песка под голову. Застелил «подушку» платком – все меньше мусора в волосах окажется, неизвестно, как в местном Средневековье с банями дела обстоят.

Заснуть не удалось ни на минуту – вонь лезла в нос, щипала глаза, хотелось завывать, вскочить и ломиться через колючки, размахивая кортиком, как мачете. Подальше от моря с его зверьями и запахом разложения. Не вскочил, конечно, провалялся всю ночь, дыша ртом и пяля глаза в темноту. Как только небо посветлело, встал, огляделся. Ну ведь черт побери! Метрах в двадцати от лежанки море выбросило гниющую тушу. Догадался бы отойти чуть вдоль пляжа и ночевал бы не на скотомогильнике, нюхал бы не вонь, а... вонь, конечно, но в разы менее сильную.

Отошел, и действительно – появился запах не гнили, а нормального соленого моря. Сел на песок и сидел. То ли спал, то ли вспоминал. Приятное вспоминал, про детство и Севастополь.

В Севастополе Вок отдыхал после восьмого класса. Вместе с родителями, конечно. Не в самом городе, а на север от порта, в Учкучевке – поселке над песчаным пляжем. Частный сектор не был набит туристами, и компания подходящего возраста сложилась самая маленькая – парень Леха, на год старше, из Москвы, и Наташа, здешняя, севастопольская, отправленная из жаркого центра в ссылку к бабушке. Понятное дело – оба мальчишки влюбились и наперебой ухаживали за единственной дамой. Что о ней помнил Вок сейчас? Стройная, высокая, загорелая, с голубыми глазами и длинными светло-русыми волосами, иногда распущенными, иногда заплетенными в косу. Самая красивая, самая интересная девушка на свете.

Как проводили время? Море, ласты и маска, рыбы и мидии, огромные заросшие водорослями камни, подводные лабиринты. Разговоры о жизни и о судьбе, о случившемся здесь когда-то Крымском землетрясении и о гибели лежавшего где-то рядом линкора «Новороссийск».

В Крыму Вок провел месяц – кончился быстро, компания разъехалась, каждый обещал писать каждому. Так и было, в первые дни мейлы сыпались непрерывно. Потом... ну что же, другие дела, у Вока спорт, у Лехи... чем занимался Леха, Вок, честно говоря, не помнил. Наташа писала реже, зато очень лично, образно, иногда вставляя короткие стихи. Свои? Вок не знал и не задумывался, просто таял. А потом, кажется уже зимой, в телефонном разговоре с Лехой, слово за слово... Наташа слала обоим одни и те же письма, меняя имена – Володя, Леша. У них хватило ума не сообщать об открытии даме двух сердец, но переписка сама собой загнулась. Тогда было обидно, а сейчас, сейчас Вок улыбнулся – молодец девчонка, развлекалась в свое удовольствие, посмеивалась над влюбленными курортниками. Какая она сейчас? Стройная, голубоглазая, загорелая? Или бесформенная, с руками, оттянутыми кошелками? Не угадать. Хотя – голубоглазая, в этом можно не сомневаться.

Глава 6. Рыбаки и паром

По песку шагалось тяжело, да и неизвестно, куда можно было пойти таким образом. Встреться скалы, или река, например, – преодолевать замучаешься. Причал показался, когда Вок уже изрядно устал и думал об остановке. Точнее – показались мостки и рядом небольшая лодка. По идее, к каждому мосткам должна вести дорога или тропинка. Не вела, ни в одном месте кусты не выглядели проходимыми. Вок сел отдохнуть, заодно и поразмышлять. Может, украсть лодку и грести в город? Весла здесь, столкнуть в воду удастся и в одиночку – дощатая плоскодонка впечатляла очевидной хлипкостью, только верхний брус поражал своей неуместной массивностью. Зачем такой? Рыболовные снасти привязывать? Вок пригляделся – на дереве тут и там имелись треугольные вмятины. Следы зубов? Как те, что плезиозавр оставил вчера на остатках мачты? Возвращаться к обломкам и сравнивать Вок не собирался, полюбому в новое плавание отправляться расхотелось, раз зверюги здесь каждое судно на зуб пробуют.

За спиной хрустнул песок, заставив резко повернуться. Сзади подкрадывались два бородатых мужика. Двигались они чуть расходясь, очевидно намереваясь напасть одновременно с обеих сторон. Разбойники? Вок выхватил кортик, принял стойку. Как управляться с таким коротким оружием? Хотя есть одно упражнение для тренировки – принимать удары первой третью от эфеса, главное при этом «забыть» про остальную длину клинка. Сойдет такая техника, пожалуй, тем более что забывать ничего не надо, нет остальной длины. Вок взглянул на замерших при виде кортика врагов – стоп, какие удары, что отражать? Мужики и оружия нормального не имели – у одного доска, у другого короткий нож. Не разбойники? Хозяева лодки? Наверное, они, вон и тюк какой-то серый около кустов валяется. Рыбаки. Хотя, одно другому не мешает, есть рыба – рыбачим, есть заблудившийся граф – разбойничаем. Или пиратствуем, раз уж дело на берегу и около лодки происходит.

На песке дрожали солнечные зайчики. Вок шевельнул кортиком, зайчики побежали, даже смешно стало. Направил свет в глаза одному из мужиков. Тот отступил на шаг. Второй, трезво оценив обстановку, заговорил сбивчиво:

– Извиняемся, господин... не знаем вашего... здесь лодка... мы думали... счас только разглядели... господин барон...

– Граф де ла Коста, – нокаутировал противников титулом Вок.

Один повалился на колени, у второго полились слезы. Они что, мертвеца увидели? Или, скорее, название графа бароном карается какой-то особо лютой казнью? Пожал плечами:

– Доставьте меня в город. Если останусь доволен, получите плату.

Рыбаки – Вок решил считать их рыбаками – лодку спускать не бросились, выглядели растерянно.

– Языки проглотили? – не выходил из роли Вок. – Посудину на воду и поехали.

– Так вот... ведь не получится... – развел руками тот, что стоял на ногах.

Подбежал к лодке, показал внутрь. В днище имелась дыра, не замеченная Воком при первичном осмотре. Второй уже тащил от кустов сверток, в нем оказались две коротких доски и ржавый инструментальный хлам.

– До полудня почините?

– Так ведь смолить надо. Потом смола стынуть будет. Потом опять смолить. Утонем... – Мужик запнулся и поправился: – Ваше сиятельство граф утонуть может. Раньше седьмого дня не отплыть.

Смысла в многодневном наблюдении за ремонтом транспортного средства Вок не видел. Бросил:

– Берегом отвезете.

Мужики закивали, но не особо радостно. Это понятно – им лодку чинить надо, да и о графах, платящих за провоз, может, и никогда не слышали. Из путаных объяснений удалось выяснить, что дорога посуху занимает четыре дня. Заняла бы и два, но через реку раньше переправиться не получится. Что-то там непонятное было с паромом, из-за каких-то особых свойств функционировал он очень редко.

Через кусты высокого господина провели незаметной тропинкой, почти и не поцарапав. Проход, похоже, маскировали специально, наверное, было от кого маскировать. Пришли в деревеньку – три дома, два из которых годились разве под будки для средних размеров собак, разместили гостя, понятное дело, в том, что побольше. Внутри темно и грязно, пришлось вспомнить про ночевку в антураже скотомогильника – помогло, сразу захотелось остаться, лечь здесь спать. И лучше, если предварительно сожрав что-нибудь крупное.

Сожрать удалось. Подавали рыбу. Две слабо посоленные особи неизвестного вида запахом напоминали знаменитого, томившегося в яме, сибирского омуля. Омуля Вок никогда не пробовал, но аромат вообразил с большой достоверностью. Назвать такую пищу можно было или отбросами, или экзотическим деликатесом. Вок выбрал второе.

Пока господин обедал, хозяин стоял столбом в углу – вежливость проявлял. Прислуживала – подала рыбу и убрала кости – его жена, бывшая на каком-то значительном месяце беременности. Она-то и не дала поспать – часа два подремал, не больше. Проснулся от короткого крика. Громкого. Прочь из этой конуры, спасаться! Порыв удалось подавить. Еще крики, теперь ожидавшиеся и потому не пугающие. Вок все-таки вскочил, схватил замеченный вечером осветительный прибор – кусок пакли в плоске с вонючим жиром. Ткнул паклей в дымную печку и кое-как осветил комнату. Хозяин храпел в углу как ни в чем не бывало, а вот жена его занялась деторождением со всеми прилагающимися прелестями. Пришлось пнуть хозяина, чтобы дело делал – скорую помощь вызвал, или что тут у них полагается в таких случаях. Женщина затихла на время, и Вок вернулся на свою парадную лавку.

Заснуть не получилось, сначала мужик топал ногами и что-то невнятно обсуждал с женой, потом хлопал дверью, потом опять кричала роженица, а пришедшая по вызову бабка суетилась вокруг. Лежать было невозможно, Вок сел наблюдать. Брезгливо, неприятно – никогда не был энтузиастом натуралистических картинок. Но других вариантов попросту не имелось. Будто затащили тебя в зал, и выйти нельзя – пялься на экран, что бы там ни показывали.

Бабка-повитуха одета была в самое грязное старье, какое можно вообразить, рук не мыла, наверное, с Рождества. Да и то неизвестно, празднуют ли здесь Рождество. Мужик тоже гигиеной не заморачивался. Не то что медицинских инструментов, даже и таза с водой Вок не углядел. Вспомнился оставленный у супербарона атлас. Чем вспомнился? Ощущением стерильности, наверное, кости, жилы, мясо, все чистое, промытое. И блестящие никелированные зажимы, белые бинты. Знают на этой планете что-нибудь про белые бинты? Ох, вряд ли.

Гостить у рыбака нравилось все меньше, это в придачу к тому, что с самого начала в дом не хотелось даже заходить. Теперь Вок был готов бежать прямо среди ночи. Куда? Представил себя висющим на кустах, как муха на липучке, тысячи кривых колючек вцепились в одежду, а снизу растут новые – как те бамбуковые побеги из рассказов про азиатские казни. Чего вообще он сидит в этой грязной дыре? Ах да, паром. К парому надо подгадывать, не раньше.

Хижину, находиться в которой с каждым часом становилось все труднее, покинули еще через день. Рыба за это время окончательно стала поперек глотки, крики ребенка – вполне себе родившегося, несмотря на антисанитарию, – звучали в ушах, даже когда тот засыпал. Хозяин жилища вывел Вока к телеге, нагруженной мягким барахлом. Не сразу удалось понять, что это не мусор, прихваченный, чтобы выбросить по дороге, а мягкое посадочное место для него – графа. Появилась и лошадь, не очень и тощая, но очень грустная. Она все время норовила остановиться и слопать ближайшую колючку. Наверное, из-за колючек и грустная, заключил

Вок. Мужик полил на ступицы какой-то гадостью, то ли чтобы не оскорблять слух колесным скрипом, то ли чтобы не демаскировать эшелон до поры до времени, взял лошадь под уздцы и пошагал вдоль извилистой, скрытой кустами колеи.

К реке подъехали относительно скоро, всего за несколько часов. По пути колея вбирала другие тропинки, сама вливалась в дорожную путаницу, быстро превращаясь во вполне себе серьезную средневековую магистраль. Это напомнило горную реку, начинающуюся струйкой в щели между камнями, удваивающуюся каждые несколько километров, несущую мощные воды уже к концу первого дня пути. Если, конечно, путь вдоль такой реки имеется, по горам ведь особо не полазишь. Ладно, будем считать – к концу дня пути, если по воде аки посуху, закончил размышления Вок. Повозка дергалась самым ужасным образом, сидеть в ней приходилось только ради графского благородного статуса. Хозяева стелили как покрасивее, но от тряски куча быстро расползлась, Вок, поначалу гордо восседавший на тряпье, то и дело взмахивал руками, рефлекторно компенсируя толчки на ухабах, а ближе к цели уже напоминал себе боярню Морозову с известной картины.

В попутном направлении двигались разнокалиберные телеги, а вот навстречу не попалось ни одной. Объяснился феномен, когда дорога уперлась в медленно текшую, очень широкую реку. Транспортные средства спешили к парому, встречные же на берег еще не прибыли, этим паромом везомые. Наконец телега остановилась, и Вок из нее кое-как вывалился. Сделал несколько приседаний для разминки. Ничего себе мультитлон – сначала регата на обломке мачты, потом экстремальный туризм с ночевкой на помойке, марш по песку и ошметкам водорослей – то ли спортивная ходьба, то ли тренировка к пляжному волейболу. Потом выживание в не приспособленной для этого хижине и, в финале, ралли-рейд по пересеченной местности. Как говорил тренер... «Да что я все время тренера вспоминаю, – возмутился своим мыслям Вок. – Он мне больше никто. И фразочки его такие, что я сам лучше сочиню. Вон окрестности рассматривать и то приятнее, чем старые разговоры в голове крутить. Так довспоминаюсь. И про то, как из команды выгнали, и про...» Довспоминался. Ролин, его не забудешь. Хоть и незнаком был совсем, даже лицо Вок видел вблизи, только когда руки перед поединкомжимали.

Чтобы не предаваться депрессивным мыслям, граф де ла Коста прошелся с гордым видом среди ожидающих. Народ кланялся, уступал дорогу, вертел головой в поисках то ли кареты, то ли утраченной свиты. Неудивительно, просохшая одежда сияла красно-зеленым, а образовавшиеся по ходу кораблекрушения дыры... ну, так мало ли, наверное, гордых небогатых рыцарей странствует по окрестностям. Ждать скучно, а тут хоть кто-то не совсем серый и унылый. На самом деле стоило разглядывать сам паром, точнее, механизм, приводивший его в движение. Конструкция изрядно меняла все представления Вока о Средневековье, являлась в образе чуда инженерной мысли.

Огромный плот имел два этажа, на обоих теснились телеги числом, наверное, штук сорок. Никакие мускулы, ни человеческие, ни лошадиные, сдвинуть такую чушку не смогли бы – невероятной толщины канат тянулся к сложному механизму, судя по всему приводимому водяным колесом. Еще точнее – взводимому. Колесо использовалось, чтобы понемногу затаскивать груз на соседнюю горку, двигался он по склону, высланному деревянными катками. Съезжая оттуда, груз тянул кант парома. Понятно стало столь редкое расписание движения – фаза затаскивания, видимо, занимала несколько дней.

Пока Вок знакомился с местной механикой, началась разгрузка. Телеги бодро скатывались по двум настилам сразу с двух палуб, за телегами без спешки проществовал табун распряженных лошадей. Бывший пират-разбойник, хозяин хижины, отец новорожденной девочки и, на данный момент, слуга подбежал, дернул за рукав:

– Пожалуйста вперед, ваше сиятельство.

Вок двинулся к сходням, возница, начавший грузить двуконную телегу, крикнул на лошадей, сдал назад, освободил дорогу благородному графу. Графом быть хорошо, заключил Вок и взошел на паром. Разместился в отгороженном перилами углу верхнего этажа – палубой называть это сооружение язык не поворачивался. Здесь стояли несколько плетеных кресел, имелись и шесты для навеса, но сам навес то ли не поставили, то ли давно пропили. Мысль о пропитии появилась при первом же взгляде на капитана – вооруженного рупором бородатого мужика с красным носом и другими признаками любви к продуктам алкогольного ассортимента. Тот поклонился высокому гостю, церемонно спросил: «Чего изволите?» Хотелось рявкнуть: «Изволю ехать, и побыстрее!», но Вок вовремя остановился – капитан, чего доброго, бросил бы остальных путешественников на берегу ждать следующей недели. Здесь станется, вон как все спину гнут перед расшитым камзолом. Если, конечно, дело не на безлюдном морском берегу происходит, вспомнил недавние события Вок.

Реку переехали довольно быстро. Вроде взглянул на катящийся вниз с горки груз, вздремнул на солнышке, а паром уже уткнулся в пристань у другого берега. Механизация в средневековой жизни, река-то, на взгляд, шириной как Волга в том же Саратове, только течет медленнее.

Народ на верхней палубе расступился кто куда мог, давая дорогу путешествующему графу. Вок прошел к сходням, где столкнулся с молодцом в ярко-красном наряде с абсолютно немужскими блестками. Понятно, еще один благородный господин, стоило бы приподнять шляпу, но как ее приподнимешь, плавающую где-то в глубинах населенного плезиозаврами моря? Вок постарался вежливо улыбнуться, но не удержался и пошутил:

– Зря спешите, уважаемый, переправа становится на подзарядку, выходит, повторно судно через реку не поплывет.

– Что?! – зарычал молодой человек. – Оборванец будет мне указывать?

Он схватился за эфес и выдернул вполне достойного размера шпагу. Оставалось достать свой кортик. Тот был раза в два короче оружия красно-блескучего господина, но, по идее, позиция давала преимущество – Вок стоял сверху на довольно крутых сходнях. Недостаток тоже имелся – из-за спины красно-блескучего выглядывали трое, которых Вок сразу окрестил клеветами. Что значит это гадкое слово, он точно не знал, но персонажи подходили под такое название идеально.

Владелец шпаги повел себя благородно, махнул своим рукой – отойдите, пошел в атаку. Вок оценил и даже выразил уважение кивком. Соперник вел бой быстро и мощно. Выпад – Вок успел подставить свой клинок. Выпад – ушел и ударил по самому кончику. Шаг вперед, под шпагу, создал пространство сзади. Черт! Никакого преимущества, Вок чуть не наделся на вражеское оружие. Не приходилось никогда драться на наклонных сходнях. Сделал выпад и едва затормозил, увернулся, ушел назад, позволив чужому лезвию скользнуть до эфеса. Еще назад, под ногами ровная палуба, другое дело! И противник, несмотря на неплохую скорость и силу, преимущества длины клинка не чувствовал, не реализовывал. Атаки проводил короткие, слишком рано уходя в защиту. И однообразные, однообразные атаки. С подобным соперником надо бояться только одного – что он не такой боец, каким кажется. Притворяется, держит в запасе совсем другую технику, ждет, пока ослабишь бдительность.

Надо ошибиться. Вок ударил по шпаге и увел руку влево, слишком далеко влево, открыл плечо. Нет, никакой реакции, следующий выпад красного не отличался от предыдущих. Не понял? Или понял? Понял, что Вок строил ловушку? Нет, вряд ли, даже если так, то отреагировал бы. На ловушку отреагировал. Еще несколько ударов по той же схеме, потом резкий снизу вверх, шаг вперед, короткий кортик не достал противника. Противник ударил сверху, Вок поднял левую руку, закрылся ею, не успевая подставить оружие. Проигрыш? Потерянная рука? Черта с два! Это тоже ловушка. Кулак, сжимавший шпагу, наткнулся на острие, в послед-

ний момент Вок развернул кортик вверх. Ни один человек не смог бы переместить руку так быстро, а вот развернуть оружие кистью, к тому же такое легкое, – запросто.

Шпага покатила вниз по наклонному помосту. Соперник скривился от боли, кровь потекла по рукаву, почти неразличимая на красной ткани. Подбежали клеветры, схватили господина под руки. Он недовольно оттолкнул их, опять скривился, поднял левой рукой шпагу и церемониальным жестом отдал Воку.

С этикетом Вок пока не разобрался: забрать шпагу или положено отказаться? Да плевать – шпага хорошая, пригодится. Взял. Сразу ощутил в руке настоящее оружие, сбалансированное. Вес не стандартный, тяжелее спортивного, но все лучше смешного коротышки, которым пришлось драться. Подумал, отстегнул ножны от пояса, вставил кортик, протянул посрамленному нахалу:

– Не подобает благородному человеку оставаться безоружным.

Непонятно, сильно ли оказался нарушен этикет, но по лицу соперника, хоть и скривившемуся от боли, Вок понял – инцидент исчерпан. А раз исчерпан, то можно и дальше ехать, оно и на нормальной кровати отдохнуть пора бы в баронском доме.

В самый большой дом на площади Вок ввалился ближе к вечеру. Понятное дело – уставший как собака. Барон ему обрадовался и даже глазом не моргнул, не сказал ничего на тему изорванного вида гостя, в придачу и явившегося в одиночку. Пригласил ужинать. Ох, как хотелось броситься к столу, та же каша с яичницей представлялась деликатесом. После крестьянско-рыбацкой диеты-то. Но принял благородную осанку и проследовал переодеться к приему пищи. Жаль, душ в этом доме еще не изобрели, таз с водой уже достижение.

– Как прошло путешествие? – вежливо осведомился барон, когда гость прожевал первую ложку каши.

Признаваться? По идее, у знатного персонажа все всегда прекрасно, иначе не бывает. Вот только как прекрасному непробиваемому графу задание выполнять, в высшем свете друзей заводить, если он ведет себя, будто та Снежная королева из нелюбимой детской книжки. Да и барон хоть и с приставкой «супер», но человек хороший. Пусть немолодой, сидит в своем доме не выходя, но с ним хотелось разговаривать по-человечески.

– Нехорошее путешествие, неудачное. – Вок покрутил ладонью в воздухе, пытаясь изобразить плохое расположение всех богов сразу, и Фортуны в частности. – Шторм на море, корабль разбило, люди утонули.

Барон сочувственно наклонил голову:

– Море выбросит обломки, всегда выбрасывает. Редвик позаботится, чтобы тела достойно к Богу отправили.

Видя замешательство при незнакомом имени, сделал жест в сторону дворецкого, после чего задал резонный вопрос – поменяет ли трагедия планы гостя. Вок внутренне усмехнулся – упомянутые тела, наверное, уже летели домой, предвкушая гонорары и встречу с друзьями. И именно в соответствии с планами, без всякого их изменения. Не сказал этого, конечно, ответил, что ничего менять не стоит, людей, наверное, удастся нанять, когда понадобятся, да и назад отправляться в ближайшее время не на чем.

– Вы всегда можете рассчитывать на мой дом и мои средства, – объявил барон.

Действительно хороший человек, одну кашу лопают, а готов помогать потерпевшему кораблекрушению. И он, наверное, думает, что Вок без гроша остался.

– Я ценю ваше дружеское расположение, не беспокойтесь, мои личные вещи здесь, они сохранились благодаря вам и вашему дому. – Язык сломать можно от таких куртуазных фраз.

Язык. Пожалуй, он был последней частью Вокова тела, которая еще функционировала. До сего момента. Теперь и эта часть готова была сдаться. Весь Вок готов был сдаться, хоть на дорожке, хоть на татами, хоть старушке, хоть первокласснику. Собрав остатки воли, выдавил:

– Извините, сэ, но после долгой дороги собеседник из меня плохой. Разрешите отклоняться и заснуть.

Из всего восхождения в комнату, почти ползком, на верхний этаж, Вок запомнил только сочувственный взгляд барона.

Глава 7. Разбойники и физраствор

Сапоги топали по коридору, будто вбивая гвозди в не желающую просыпаться голову. Наконец мозг осознал – что-то происходит. Пожар? Не хотелось бы, в окно-бойницу не протиснешься. Наводнение? Те же возражения.

Напялил штаны, сапоги, прихватил на всякий случай шпагу, шагнул в коридор. Никого, темно, пусто, и грохот с первого этажа. Скатился по лестнице – барон, дворецкий, привратник, вооружившись, стояли перед входной дверью, с другой стороны в нее ломились. Барон заметил Вока, повернулся, свечи отразились в его зеркальной кирасе.

– Разрешите проследовать в вашу комнату, граф? Нужен сектор обстрела.

Вок дернулся назад, споткнулся о тело бородатого мужика в кольчуге. Взлетел вверх по лестнице, бросился к сундуку за арбалетом, обнаружившимся там в первый же день. В бойнице темнота, куда стрелять? Подоспел барон, тоже с арбалетом, пружинным, и с охапкой каких-то громоздких штук.

– Куда стрелять? – заорал Вок.

Барон махнул вниз и вправо. Высунул руку, свистнул болт. Вок сменил его, спустил тетиву. Пока перезаряжал, хозяин успел выстрелить четыре раза – непонятные штуки оказались сменными пружинами, заранее взведенными. Патроны, блин! Чуть не очередями бить можно!

Выпустив все заряды, барон выбежал из комнаты, Вок продолжил в темпе своего тихого самострела. Надолго и его не хватило, болтов в сундуке нашлось всего шесть. Вниз, к двери! Там шум поменялся – не удары, а звон железа. Рубка. Хозяин лежал на полу, двое слуг отбивались в коридоре от наседавших головорезов. Прихожая, холл в руках врагов. Вок шагнул назад в проход, встал в нишу, рявкнул:

– Отступайте.

Дворецкий понял, сделал четыре шага назад, привратник не успел, на шее его будто сама собой открылась рана – в сумраке глаз не уловил движения вражеского меча. Первый нападавший переступил тело, шагнул вперед, оказался рядом с Воком. Отлично! Удар – лезвие вошло точно между пластин, нашитых на кожаный жилет. Получи, гад! Вок выскочил из ниши, принял стойку. Тонкая шпага разбойников не впечатлила, напали вдвоем, замахиваясь мечами. Ну, машите, в тесном-то коридоре! Шаг назад, контратака, первый споткнулся о заколотого коллегу, упал вперед, лезвие вошло в его шею сзади вдоль позвоночника. Второй не внял, попер напролом, уронил оружие – ранена рука, еще движение – ранена вторая. Завизжал, бросился назад, наткнулся на следующего. Тот не понял, заозирался, наконец дошло – он последний целый. Целый! Развернулся и побежал к выходу, тоже споткнулся, упал, выскочил из дома и исчез в темноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.